
Пара для
АЛЬФЫ
Радомира Теплинская

Рада Теплинская

Пара для альфы

«Литнет»
2026

Теплинская Р.

Пара для альфы / Р. Теплинская — «Литнет», 2026

Она вздрогнула всем телом от властного, не терпящего возражений приказа, но тут же, преодолев внутреннее сопротивление, покорно подчинилась. Эта покорность, смешанная с явным нежеланием, лишь еще больше разожгла его инстинкты и доставила зверю немалое удовольствие. Он медленно поднял свою тяжелую морду, зажатую между плечами мужчины, и пристально, оценивающе присмотрелся сквозь человеческие глаза, которые теперь служили лишь окном для его холодного, хищного взгляда.Дрожащие, бледные пальцы с аккуратными, ухоженными ноготками нервно принялись за пуговицы дешевого, синтетического платья. Они с трудом, путаясь и соскальзывая, расстегивали их одну за другой, открывая доступ к телу, которое он считал своей добычей. Несмотря на очевидную слабость и страх, ее гордая осанка, сохраняемая с невероятным напряжением воли, подсказывала Саймону, что она не собирается сдаваться. Она пыталась сохранить остатки своего достоинства, как бы ни хотела отказаться от этого унизительного акта и покончить со всепоглощающим стыдом, жгущим кожу изнутри.Саймон так и чувствовал в ней эту стервозную, упрямую натуру, которая просачивалась сквозь каждый её вздох и каждое движение. Это качество, это внутреннее пламя, которое она пыталась скрыть, только сильнее заводило его, заставляя кровь кипеть и пульсировать в висках. Он никогда не любил «сладеньких», покорных девочек-зайчиков; они были пресны и скучны. Напротив, острый язычок, готовый возразить, и активное, хоть и бессильное, сопротивление будоражили его первобытную, звериную кровь, превращая процесс подчинения в извращенную игру, где победа измерялась не только физическим контролем, но и сломом духа.

© Теплинская Р., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

От автора!	6
Пролог	7
Пролог 2	12
Пролог 3	20
Пролог 4	22
Ломая себя	25
Первая близость	29
Визуалы Вадима и Варвары	32
1	34
2	38
3	42
4	44
5	47
6	50
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

От автора!

Дорогие читатели!

В честь публикации новинки дарю пять промокодов на бесплатное чтение книги:

1aG-nM8U

OhrjMK3F

tcrc8A1e

RNBi3yqK

uomPZIui

Действуют они до 26 августа.

Огромная просьба к вам, мои дорогие. Читайте, делитесь своими впечатлениями комментариях и обязательно подписывайтесь на меня, чтобы не пропустить новые интересные книги)

Приятного чтения!))

Пролог

Мужчина неподвижно застыл в массивном, тяжеловесном кожаном кресле, которое казалось не просто предметом мебели, а тронным местом, вырезанным из самой черной, грубой шкуры древнего хищника. Кожа кресла была темной, почти угольной, покрытой глубокими, сложными складками и царапинами, которые свидетельствовали не только о его почтенном возрасте, но и о безупречном статусе владельца — здесь не терпели суеты, здесь ценилась вечность и непоколебимость. Его поза излучала абсолютную, подавляющую власть и спокойное, почти ленивое превосходство: он не сжимал кулаки, не выпрямлялся, чтобы казаться выше, он просто был, занимая собой всё пространство вокруг, словно гравитационный центр этой комнаты.

Его пристальный, тяжелый взгляд, плотный как свинец, был устремлен прямо на девушку, стоящую перед ним в центре просторного, мрачно убранного кабинета. Воздух здесь казался густым, пропитанным запахом дорогого табака, старого дерева и чего-то металлического, намекающего на кровь. Она, насколько хватало последних сил, старалась держать спину ровно, сохраняя внешнее достоинство, но не могла справиться с едва заметной, но от этого лишь более пугающей дрожью в коленях, которая отдавала тонкой вибрацией по всему телу. Каждый мускул ее тела был напряжен до предела, готовый к рывку или падению, а в глазах, широко раскрытых от внутреннего, леденящего ужаса, она пыталась удержать последнюю искру собственного «я», чтобы не сломаться, не рассыпаться прахом под гнетом этого тяжелого, давящего взгляда янтарных глаз.

У его расы глаза имели исключительно этот специфический, почти огненный оттенок — золотисто-янтарный, светящийся изнутри, словно в зрачках тлеют угли. В этом цвете читалась древняя, первобытная угроза, та самая, что заставляла жертву инстинктивно замереть, понимая: перед ней не человек, а хищник, оценивающий добычу. Этот цвет был не просто эстетической особенностью внешности, а прямым, безошибочным указанием на скрытого внутри зверя, который дремал, но мог пробудиться в любой момент напряжения или гнева. Он говорил о второй сущности, глубоко спрятанной под гладкой, безупречной человеческой кожей, о той самой дикой, необузданной силе, что скрывалась внутри, пульсируя венами, а именно о волке. О звере, который питался страхом слабых, превращая его в свою подпитку, и уважал только силу, силу, способную бросить вызов самой природе.

Да, Вадим Егоров был оборотнем, причем одним из сильнейших, самых авторитетных и опасных представителей своего вида. Он не просто принадлежал к этому миру теней — он был его архитектором и судьей. Его имя знали даже те, кто предпочитал не знать правды о скрытом обществе, чьи шепоты за закрытыми дверями превращались в легенды о бескомпромиссной жесткости и невероятной физической мощи, способной разорвать стальную дверь или сжать каменный блок в пыль. Его репутация была сложена из тысяч небылиц и нескольких подтвержденных фактов, от которых стыли кровь: о его неуязвимости, о его способности чувствовать запах лжи на расстоянии километра и о том, что его милость — это редчайшее явление, а его гнев — приговор, от которого не спасают ни деньги, ни связи. В этом кабинете он был не просто хозяином положения; он был законом, и каждый вдох здесь зависел исключительно от его благосклонности.

И вот, в этот самый пронзительный миг, когда время, казалось, застыло в немом ожидании, словно застывшая капля ртути, судьба этой хрупкой, беззащитной малышки оказалась полностью и бесповоротно в его руках. Его пальцы, невидимые, но ощутимые, сомкнулись вокруг нити её будущего, и теперь он обладал абсолютной, ничем не ограниченной властью, способной переломить ход её истории одним лишь произнесенным шепотом или равнодуш-

ным кивком головы. От его капризной воли зависело всё: станет ли она свободной птицей, разорвавшей кандалы и устремившейся в бескрайнее небо, или же останется вечной рабыней обстоятельств, запутавшись в собственных тенях, а возможно, и в тех жестоких, невыносимых правилах, которые он диктовал с ледяным, безэмоциональным безразличием, словно артист, ставящий трагическую пьесу на сцене, где единственным зрителем является его собственное эго.

Он снова провел медленным, тяжелым, оценивающим взглядом по длинным платиновым волосам девушки, ниспадающим густым водопадом на её хрупкие, почти прозрачные плечи. Каждая прядь казалась отполированной до идеального блеска, отражая свет холодными, стерильными искрами. Блеск этого искусственного, выверенного цвета был кричащим, почти ослепительным, нарушая естественную гармонию её облика; очевидно, этот радикальный шаг служил либо отчаянной попыткой соответствовать навязанной сверху, модной диктатуре, либо же — что было более вероятно — отчаянной маской, скрывающей её родной, истинный цвет, который, возможно, был слишком прост, слишком обыденен или, наоборот, слишком болезненно напоминает о прошлом. Но парадоксально то, что именно эта нарочитая искусственность, этот отказ от естественности делала её образ еще более эффектным, гипнотическим и отточенным до предела. Она напоминала не живую женщину с ее теплом, дыханием и суетой, а вылитую из чистого, холодного серебра статую античной богини, застывшую в вечном, мучительном ожидании, готовую вот-вот ожить и вдохнуть жизнь в этот мертвый мрамор, превращая холодную красоту в опасное, завораживающее оружие.

Его взгляд, лишенный всякой искренности и теплоты, скользнул по ней с холодным, расчетливым интересом, очерчивая четкие, изящные линии её стройного тела, которое было скрыто лишь тончайшей, полупрозрачной тканью. Этот материал, словно второй слой кожи, лишь смутно намекал на истинную форму, едва касаясь эпидермиса и не скрывая ни единого контура, превращая девушку в статичный, безмолвный объект созерцания, лишенный права на приватность. Он отметил про себя с присущим ему холодным, отточенным профессионализмом, что в этом теле нет ни малейшего намека на лишний вес, ни грамма лишнего жирка, который обычно считается признаком достатка. Это была не та плавная, роскошная полнота, которую ценят в высшем обществе как символ благополучия и изнеженности, а сухая, жилистая красота, выкованная суровыми условиями жизни, вероятно, нуждой, постоянным голодом и бесконечным, изматывающим трудом. Каждая напряженная мышца, каждый резкий изгиб спины и плеч говорили о невероятной выносливости, о способности терпеть физическую боль и эмоциональное давление там, где другие уже давно сдались и сломились под тяжестью обстоятельств.

Но главное было не в теле, не в внешней эстетике и не в физической форме, которые могли бы служить лишь поводом для поверхностных суждений. Главное заключалось в её осанке — гордой, неестественно прямой, словно стальной стержень внутри мягкой, податливой ткани, который отказывался гнуться даже под самым тяжелым грузом, и в том самом вызове, который застыл в её глазах. Он чувствовал это инстинктивно, остро, как изменение атмосферного давления перед надвигающейся бурей: это был не испуг перед ним лично, не дрожь подчинения перед сильнейшим, который мог бы сломать её волю. Это был вызов всему миру, который ополчился против нее, загнал в тупик, лишил выбора и права голоса, пытаясь стереть её личность в порошок. В этом взгляде, горящем внутренней, неугасающей искрой, читался немой, пронзительный крик души: «Я не сдамся», даже если внутри, под толстым слоем льда и искусственной сдержанности, она уже разваливалась на тысячи острых осколков, и каждый из них больно резал её изнутри, напоминая о том, что за фасадом несокрушимости скрывается уязвимая, раненая человеческая душа.

Сегодня судьба этой девушки была буквально выставлена на всеобщее обозрение, словно товар на блошином рынке, и продана с молотка без тени стыда или раскаяния. Её преподнесли не как живого человека с собственным волеизъявлением и мечтами, а как откупную дань, как единственную и последнюю плату за право принять её род в лоно своего могущественного клана. Их древнее семейство, чья слава когда-то гремела на равнинах, сегодня оказалось измученным, загнанным в угол и отчаянно искало защиты, укрытия от тех темных сил, что преследовали их без устали, выжигая всё на своем пути, оставляя лишь пепелища и пустоту. Но предложить что-то иное, кроме этой девушки — единственного актива, приносящего хоть какую-то ценность в их глазах, — они не могли. Род иссяк, запасы истощились, и она стала их последней монетой, ставкой в смертельной игре, в которой они уже проиграли всё, сохранив лишь право на жизнь, пусть и в качестве придатка к чужой воле.

Вадиму этого было более чем достаточно. Его инстинкты, отточенные годами бескомпромиссного выживания и жесткой власти, мгновенно считали ситуацию, разлагая её на составляющие: слабость, отчаяние и расчет. Но внутри него, в холодном сердце альфы, не проснулось ни жалости, ни снисхождения. Для него это была не трагедия, а бизнес-предложение, оцененное по его собственным критериям.

Хотя, если бы в его общине было достаточно человеческих самок для удовлетворения потребностей своих мужчин, он бы без малейших колебаний, даже не оглядываясь, выгнал этих двух паразитов прочь, как мусор, найденный на пороге его дома. В их взглядах, застывших на лицах, читалась одна единственная, уродливая истина: их души были проданы за гроши, за кусок хлеба и временное, иллюзорное спокойствие. И у отца девчонки, и у её дяди в глазах так и сверкала голодная, хищная жажда наживы, смешанная с циничным, холодным расчетом. Они не смотрели на неё как на дочь или племянницу; они смотрели на неё как на актив, который можно конвертировать в безопасность.

Вадим прекрасно понимал механику этого грязного торга, как мастер понимает слабости своего противника перед ударом: если бы он вдруг отказался от сделки, эти шакалы тут же повернулись бы к другому альфе, предложив тот же товар по той же цене, или даже дешевле. Ведь для них важны были не люди, не судьбы, не моральные принципы и не честь рода, а исключительно прибыль и выгода. Люди для них были лишь товаром, который можно реализовать там, где цена выше, а спрос — выше. Они были готовы пожертвовать любым членом своей семьи, если бы это обеспечило им еще один день без охотников за их головами. И Вадим, будучи частью этой жестокой системы, не мог осуждать их выбор, но и не мог позволить себе слабость, которая сделала бы его уязвимым для подобных манипуляций.

Однако за фасадом этого мрачного, откровенно циничного предложения, скрытого под маской грубой сделки, таился неочевидный, но колоссальный плюс. Вадим, словно ледяной скальпель, рассек эту ситуацию своим холодным, расчетливым умом, беспощадно отбросив в сторону любые сентиментальные эмоции и жалость. Он смотрел на ситуацию глазами стратега, оценивая не моральную сторону вопроса, а исключительно практическую выгоду и долгосрочные перспективы.

Помимо самой этой девушки, которую он видел перед собой как объект первой необходимости, эти мужчины имели еще двух женщин, не считая своих законных, пусть и формальных, супруг. И если первая из них была вполне взрослой женщиной с уже сформировавшимся, закаленным жизнью характером и глубоким, порой тяжелым прошлым, то две остальные представляли собой совершенно иную категорию. Они были слишком молоденькими, слишком зелеными и наивными, чтобы сейчас, в текущем состоянии, стать полноценными партнерами для равного диалога или надежными матерями для будущих наследников клана. Их умы еще не успели обзавестись собственными, устоявшимися убеждениями, а души — глубокими страхами или прочными привязанностями к внешнему миру.

Но именно эта юность, эта наивная пустота становилась их главным преимуществом, их скрытым даром в глазах Вадима. Они были чистым листом, белоснежным полотном, которое он мог заполнить по своему единому усмотрению, не опасаясь, что старые чернила проступят сквозь новые слои. Их можно было воспитать с нуля, привить им нужные, жестко контролируемые ценности, натренировать реакцию на преданность клану и безупречную дисциплину. Таким образом, они превратились бы в преданных, верных членов общины, лишенных груза прошлого опыта, без шрамов от прежней жизни, которые могли бы вызвать сомнения или колебания.

Они станут идеальными инструментами его воли, созданными заново, словно по заказу мастера. Эти существа будут знать только одну абсолютную истину — свою принадлежность ему. Их личность будет стерта и заменена функцией, а их душа станет зеркалом, отражающим лишь его желания и приказы. В этом заключалась пугающая, но эффективная красота его плана: создать не людей, а послушные механизмы, живые орудия, полностью зависимые от своего создателя.

В памяти Вадима мгновенно, словно проявляющаяся в темной комнате негативная пленка, всплыл портрет шестнадцатилетней Марии. Ее образ, застывший в воображении, казался одновременно хрупким, как фарфоровая кукла, и пронзительным, с глазами, в которых читалась не детская наивность, а пугающая для ее возраста осознанность и скрытая боль. Чтобы принять окончательное, взвешенное решение, которое могло изменить ход всей операции, Вадим опирался не на интуицию, а на исчерпывающие данные из досье, которое его агентурная сеть подготовила с безупречной, почти ювелирной точностью еще до начала миссии.

Документация была детализирована до мелочей: в ней не просто перечислялись факты, а воссоздавалась полная картина жизни девочки. В частности, подробно описывалось ее текущее местопребывание — закрытый, элитный пансионат за чертой города, окруженный высокими заборами и системами видеонаблюдения нового поколения. Это было место с строгим режимом безопасности, куда она была помещена за немалые деньги, став частью закрытого клуба избранных. Финансовая сторона вопроса выглядела критической и даже абсурдной с точки зрения логики бизнеса: семья, изначально продавшая ее права и личность ради сиюминутной выгоды, полностью истощила свои ресурсы. Они потратили всё, что могли получить, и теперь у них просто не осталось средств ни для продления срока ее пребывания в этом золотом клетке, ни для оплаты дорогостоящего образования, которое являлось неотъемлемой и дорогой частью изначального контракта.

Для бывших владельцев этот факт был лишь неудобным финансовым барьером, головной болью, требующей быстрой ликвидации долговых обязательств. Но для Вадима, способного видеть глубже поверхностных обстоятельств и считывать скрытые связи между людьми и событиями, это стало ключевым индикатором, сигнальной точкой на карте. Он четко осознал стратегическое значение ситуации: Мария находится в состоянии тотальной зависимости. Ее судьба теперь висела на волоске, полностью определяясь волей и возможностями нового покровителя — того, кто сможет предложить ей выход из финансового тупика или, напротив, усугубит ее положение. И именно эта уязвимость, эта отчаянная нужда в спасении или хотя бы в стабильности, делала ситуацию управляемой. Однако Вадим знал по опыту: чем тоньше нить, связывающая цель с реальностью, тем более предельной осторожности требует любое действие. Одно неверное движение могло не только сорвать план, но и разрушить хрупкую психику девочки, сделав ее бесполезной для дальнейших манипуляций.

Стоило им лишь переступить порог его величественных владений и официально принять статус членов его могущественного клана, как бремя ответственности за их физическое и духовное существование ляжет исключительно на его плечи, не разделяясь нис кем иным.

Каждая копейка, потраченная на их пропитание, содержание в безупречном порядке, роскошное образование, сопоставимое с королевским, и непрестанную, круглосуточную защиту от любых внешних угроз, будет вычтена из его личной казны без малейших колебаний или учета расходов. Он не будет считать деньги, ведь для него это лишь инструмент достижения высшей цели.

Она перестанет быть просто гостьей, оказавшейся в его доме по недоразумению, или временной подопечной, чье пребывание здесь имеет временный характер. Нет, она станет его личной собственностью — живым, дышащим воплощением его амбиций, его гордости и главным проектом, который он намерен довести до абсолютного совершенства, отшлифовав каждую деталь её личности и талантов. В конечном итоге, этот ребенок превратится в стратегический ресурс высшего порядка, призванный не просто укрепить могущество его рода, но и обеспечить ему непререкаемое влияние в жестоком мире, где слабым нет и не может быть места.

Ее звали Мария, и она приходилась родной сестрой той самой девушке, что сейчас стояла перед ним, разделяя с ней не только черты лица, но и участь.

Ее младшей сестре на вид было всего шесть лет — крошечный, хрупкий ребенок, чье существование казалось чудом, удерживающимся на волоске. Она казалась настолько беззащитной и уязвимой, что любое резкое движение, внезапный звук или даже тень от пролетающей птицы могли заставить ее застыть на месте, парализованной первобытным, животным страхом. В ее взгляде, полном слез и глубокого, детского непонимания происходящего вокруг, читалась невинность, которую мир давно забыл. Ее глаза были огромными, темными и наивными, не способными осознать всю бескомпромиссную жестокость реальности, в которую их грубо и насильно бросили. Она была дочерью того самого второго мужчины — человека, чья судьба много лет назад переплелась с жизнью Вадима в сложный, запутанный узел обязательств, скрытых предательств и вынужденных союзов, скрепленных кровью и молчанием.

Вадим прекрасно осознавал суровые, неумолимые законы мира оборотней, где сила и чистота крови ценились превыше всего, а привычная человеческая мораль часто отступала перед холодной необходимостью выживания. В этом жестоком, кинетическом обществе дети редко оставались детьми надолго; они быстро превращались в пешки в бесконечных политических играх кланов, в инструменты для заключения невыгодных, но стратегически важных договоров или для разрыва враждебных связей. Возможно, именно эта девочка предназначалась кому-то из могущественных старейшин или альфа-самцов в качестве невесты — марионетки, чья воля будет сломлена, — или же как жертва для древнего, кровавого ритуала, призванного скрепить хрупкий союз между враждующими фракциями или вознести одного из них на вершину власти через чужое страдание.

Именно поэтому Вадим принял твердое, необратимое решение взять их под свою жесткую, но неприкосновенную защиту. Он видел в этом не просто сентиментальный акт милосердия, а стратегический шаг, способ вырвать их из лап чужой, враждебной и заранее уготованной им судьбы. Дать им укрытие в своих стенах, обеспечить безопасность, которой они не могли получить ни от кого другого, и подарить шанс на жизнь, пусть и в роли его подданных, — вот его новая, единственная цель. Он будет воспитывать их, закалять их дух и использовать их потенциал, но никто другой не посмеет дотронуться до них пальцем, пока он дышит. Он станет для них и щитом, и мечом, и тюремщиком, и спасителем одновременно, потому что в его мире любовь и власть неотделимы друг от друга.

Пролог 2

Однако за фасадом его внешне бескорыстного, почти патронирующего милосердия скрывался ледяной, безжалостный расчет человека, который вынужден был научиться выживать в жестоком мире, где наивное сострадание часто оборачивается фатальной, смертельной ошибкой. Вадим был жестким, непримиримым реалистом, чье сердце давно закалилось под тяжелыми ударами судьбы, превратившись в монолит, не способный к сочувствию в привычном понимании этого слова. Он прекрасно, до мельчайших деталей осознавал, что в его мире, построенном на крови, предательстве и неумолимом законе сильнейшего, каждый шаг, каждое принятое решение и даже каждое пощаженное существо обходятся невероятно дорого — слишком дорого, чтобы позволять себе роскошь моральных колебаний.

Он твердо намеревался получить обещанную плату за свои услуги, но этот жест диктовался не банальной человеческой жадностью или низменной корыстью, а суровой, голодной необходимостью поддерживать свой хрупкий статус, ресурсы и влияние в иерархии, где малейшая потеря позиций или проявление слабости мгновенно равносильна неминуемой гибели. В этой игре правил не было, был лишь постоянный баланс между властью и уязвимостью, и Вадим, как опытный игрок, знал: остановиться — значит исчезнуть.

Оборотни в целом не славились мягкосердечием или готовностью протянуть руку помощи слабым безвозмездно. Их кодекс чести, суровый и непреложный, был примитивен в своей простоте, но беспощаден в исполнении: уважение здесь не даруется, оно заслуживается исключительно силой, а любые действия оцениваются исключительно через жесткую призму личной выгоды и пользы для стаи. Доброта, особенно та, что проявлялась неуместно или излишне, воспринималась кланом как опасный признак слабости, который неизбежно привлекает хищников, нарушает хрупкий баланс и разрушает единство рода. В этом жестоком, подчиненном инстинктам обществе слабость каралась с неумолимой точностью: изгнанием — медленной, мучительной смертью в дикой природе, где каждый шаг превращается в борьбу за выживание, — или же немедленной казнью ради сохранения чистоты крови и могущества рода.

Свою истинную пару, ту самую «вторую половинку», которую предсказывали древние, запечатанные в камне легенды, Вадим давно перестал искать всерьез. Эта надежда угасла, превратившись в тлеющую искру, скрытую под толстым слоем пепла прошлых разочарований и горького опыта. За долгие годы одиночества, бесконечных блужданий по ночным лесам и тщетных попыток найти кого-то, кто мог бы разделить его бремя и понять природу двойственной сущности, он свыкся с мыслью, что его удел — быть вечным странником, изгоем, обреченным на одиночество без родной души, которая могла бы принять его внутренний зверь и человеческую боль. Он научился прятать свои чувства под маской цинизма, считая привязанность роскошью, которую он больше не может себе позволить.

Тем не менее, в самых глубоких, недоступных для посторонних глаз уголках его сердца, все еще тлел тот самый призрачный, почти неуловимый шанс. Шанс, который иногда, в тихие ночные часы, когда мир замирает и слышен лишь биение собственного сердца, шептал ему, что судьба может быть не так безжалостна и сурова, как ему казалось. Эта малышка, со своими большими, наивными глазами, полными недоверия и страха, и с той хрупкой беззащитностью, которая кричала о помощи, пробудила во нем древнее эхо. Оно заставило его усомниться в собственной непогрешимости и в правдивости его циничных убеждений. Впервые за долгое время он почувствовал, как внутри просыпается что-то теплое, опасное и неизвестное — чувство, которое могло стать как его спасением, так и самым большим испытанием.

Волк, чья первобытная, извечная сущность веками тянулась к абсолютной свободе, к дикой, необузданной природе и неприкосновенной, святой независимости, встретил эту внезапную, навязчивую идею с присущим ему холодным, выверенным до мелочей скептицизмом. Его взгляд, лишенный какой-либо сентиментальности, мягкости или жалости, оценивал ситуацию не как романтическое приключение, достойное баллад, а как сложнейшую стратегическую операцию, требующую хладнокровного расчета и предельной концентрации. Он слишком хорошо знал цену подобным «чудесам», которые так любят щедро преподносить слепая судьба легкомысленным душам, не способным выдержать тяжесть реальности. Для того, кто уже прошел через ад бесконечных потерь, где близкие люди превращались в лютых врагов, а безграничное доверие оборачивалось острым, холодным кинжалом в спину, готовым ударить в самый уязвимый момент, доверие было роскошью, которую он себе категорически не позволял.

Судьба редко преподносит легкие подарки тем, чьи души были закалены в раскаленном горниле испытаний, где плавится слабость и отливается характер. Обычно за мнимым спасением, замаскированным под счастливое стечение обстоятельств, скрываются новые, более изощренные и смертоносные ловушки, а за обещанным, сладким счастьем — новая, еще более глубокая и разрушительная боль, способная сломать даже стальную волю и разбить самые крепкие иллюзии. Вадим помнил каждый шрам, каждый шрам на душе, каждый ночной кошмар, в котором повторялись сцены предательства и боли, и поэтому его инстинкт самосохранения, обостренный годами выживания, кричал об опасности, предупреждая о скрытой угрозе. Однако интуиция, та тонкая, эфирная и неразрывная нить, связывающая оборотня с его древним, почти мистическим предназначением, не давала покоя, пульсируя в висках настойчивым, требовательным ритмом, словно зов крови, который невозможно игнорировать.

Он понимал, что даже если математическая вероятность того, что эта незнакомка станет его истинной парой, его второй половиной, его единственным равным, стремится к абсолютному нулю, проверить эту догадку стоило. Это была не надежда, которая обычно обманывает, а суровая необходимость, диктуемая самой природой его существа. Ему нужно было закрыть эту главу своей жизни, окончательно похоронить последние, тлеющие угольки иллюзий и идти дальше, по пути, который он выбрал сам, без оглядки. Он шел вперед, не оглядываясь на то, что могло бы быть, на те миры, которые так и остались лишь теневыми призраками прошлого, мерцающими в густом тумане воспоминаний, но так и не ставшие реальностью, оставляя позади лишь пустоту и тишину, которая теперь казалась единственно честным спутником.

— Подойди ко мне!

Голос прозвучал не просто громко, а с такой властной, подавляющей интонацией, что само пространство вокруг, казалось, содрогнулось от внутреннего напряжения. Воздух в зале мгновенно стал густым и тяжелым, словно перед грядущей бурей, насытившись озоном и статическим электричеством, которое заставляло волосы на руках подниматься дыбом. В этом приказе слышалась глубокая, низкочастотная вибрация, которая резонировала с костями присутствующих, заставляя стены, казалось, дрожать от напряжения. Это передавало всем собравшимся всю тяжесть положения и невероятную, подавляющую мощь говорящего. Это было не просто произнесенное слово, а чистый акт воли, ставший физической реальностью, который невозможно было игнорировать или оспорить.

Каждый слог высекал из тишины искру страха, мгновенно сковывая волю слушателей. Дыхание замерло в горле, сердцебиение замедлилось до состояния ледяного покоя, а зрачки всех присутствующих расширились, рефлекторно пытаясь уловить источник этой чудовищной энергии. Тени в углах зала потянулись и удлинились, будто реагируя на сгущающуюся ауру авторитета, которая давила на плечи сильнее любой физической силы. Ощущение было таким, будто время остановилось, застыв в ожидании единственного движения, которое могло бы разорвать этот напряженный круг, но ни у кого не находилось смелости даже пошевелиться.

Это было проявление абсолютной доминации, где слово стало законом, а желание говорящего — единственной истиной в этом мире.

Вадим не просто переступал порог зала Совета — он вторгался в него как стихия, как неизбежный катаклизм, который невозможно предотвратить или отменить. Его шаги, хотя и казались тяжелыми, не издавали ни звука, но каждый шаг ощущался как удар молота по наковальне реальности, сотрясающий саму почву под ногами присутствующих. Воздух в огромном, высокостекольном помещении мгновенно становился густым, тяжелым, будто перед грозой, когда электричество сгущается в тучах и готово разрядиться в один миг. Он был тем единственным, незыблемым стержнем, той монолитной основой, на которой держалась вся хрупкая, выстроенная веками иерархия. Без него этот хрупкий механизм власти рассыпался бы в прах за считанные дни, подобно карточному домику, столкнувшемуся с порывом ветра.

Его присутствие было той силой, с которой невозможно не считаться, с которой привыкли иметь дело даже самые опытные, закаленные в интригах и циничные лидеры, чьи лица обычно не выдавали никаких эмоций, оставаясь масками спокойствия, отточенными десятилетиями политической игры. Но перед Вадимом эта маска рассыпалась, обнажая первобытную суть. Глаза оппонентов, обычно холодные и расчетливые, начинали бегать в поисках выхода, а дыхание сбивалось на уровне рефлекса, заставляя тело предчувствовать удар еще до того, как он был нанесен. Вадим не говорил, чтобы доказать свое превосходство; его молчание было громче любых слов, тяжелее любых обвинений.

Сила его волка не ограничивалась лишь внешней, демонстративной физической мощью или рельефом накачанных мышц, которые могли бы впечатлить обычного наблюдателя; она была тотальной, всепоглощающей и пронизывающей каждую клетку окружающего пространства. Это была не просто агрессия, а тяжелая, вязкая энергия, которая давила на слабых, заставляя их колени подгибаться без их воли, а разум затуманиваться первобытным, животным желанием сжаться в комок, исчезнуть в тени, чтобы не привлечь внимания хищника. В этот момент цивилизованные нормы поведения, этикет и законы этики отступали на второй план, уступая место древнему инстинкту выживания.

Эта аура требовала абсолютного, беспрекословного подчинения, и те, кто стоял рядом, чувствовали это давление на клеточном уровне, ощущая себя добычей в пасти зверя, чье сердце бьется в унисон с биением сердца охотника. Можно было услышать, как замедляется время, как усиливается звук собственного пульса в ушах, заглушая все остальные шумы. Вадим не просто владел собой — он владел пространством вокруг себя, превращая его в свою территорию, где он был богом, судьей и палачом одновременно. И каждый, кто осмеливался встретить его взгляд, понимал: здесь не действуют правила игры, здесь действует только закон силы, и Вадим — ее единственный истолкователь и гарант.

Для обычных людей, лишенных специфической внутренней ментальной защиты, выкованной годами тренировок, или же магического барьера, способного экранировать аномальные воздействия, подобное присутствие ощущалось не просто как бытовой дискомфорт или легкое беспокойство. Это было нечто гораздо более глубокое, первобытное и всепоглощающее — животный страх, древний как сама жизнь, пронизывающий до самой##, до костей, вызывающий дикое, леденящее душу ознобляющее чувство. Это ощущение не поддавалось логическому объяснению ни холодным, отточенным рассудком, ни многолетним житейским опытом, накопленным за десятилетия существования в этом мире. Биология отказывала, разум отступал перед инстинктом самосохранения, который кричал об одном: беги, прячься, умоляй о пощаде.

Сердце начинало бешено колотиться в груди, удары были такими сильными и частыми, что казалось, оно вот-вот вырвется наружу, разорвет ребра изнутри от напряжения. Дыха-

ние перехватывало судорожным спазмом, воздух становился густым и неестественно тяжелым, словно дышать приходилось через влажную ткань. Кожа мгновенно покрывалась липким, холодным потом, который стекал тонкой пленкой по спине и лбу, создавая ощущение мокрой, липкой одежды даже в прохладном помещении. Руки инстинктивно сжимались в кулаки, ногти впивались в ладони до боли, но силы словно утекали сквозь пальцы, покидая тело, оставляя лишь тяжелое, парализующее онемение в конечностях. Ноги подкашивались, превращая жертву в статую перед лицом высшей силы, лишенной возможности хоть на миллиметр приблизиться или отступить.

Однако эта девушка, несмотря на всю тяжесть атмосферы и гнетущее давление авторитета, которое давило на плечи, словно свинцовая мантия, держалась удивительно стойко. Ее воля была закалена не меньше, чем характер ее рода. Лишь легкая, едва заметная дрожь в пальцах, которую можно было заметить лишь при пристальном, внимательном взгляде, выдала ее внутреннее напряжение, но она не отступила ни на шаг. Движения были плавными, но уверенными. Сделав решительный шаг вперед, преодолевая инстинктивный страх, который скребся где-то в глубине сознания, она остановилась прямо перед ним. Она глядела прямо в глаза, не опуская взгляда, демонстрируя достоинство и гордость, достойные ее древнего и уважаемого рода, чья репутация строилась на стойкости и непоколебимости.

В этот момент контраст между ними стал еще более резким, почти гротескным, напоминая сцену из темной сказки. Ее «родные» родственнички, те самые люди, которые по долгу службы, присяги или кровного родства должны были защищать или хотя бы морально поддерживать свою княжну в моменты опасности, жалко сжались у самой двери, в темной тени прихожей. Их лица были искажены благоговейным, парализующим ужасом, глаза широко раскрыты, зрачки расширены до предела, поглощая весь свет вокруг. Тела напряжены до предела, мышцы каменели, словно они ожидали в любой момент получить сокрушительный удар или быть растерзанными дикими зверями.

Внутренний зверь Вадима, всегда чуткий к слабости и предательству, скривился от брезгливости и искреннего отвращения. Недостойные самцы. Слабаки, не способные даже достойно встретить взгляд альфы, не говоря уже о том, чтобы оказать сопротивление или проявить хоть каплю мужества в защиту своей княгини. Их трусость, их предательство в момент истины, когда от них ждали поступка, а не слов, вызывали у него лишь ледяное, безразличное презрение. Это презрение было не гневом, а констатацией факта: эти существа просто не имели права находиться в одном пространстве с высшей формой жизни. От такого отношения им не стало бы теплее, но их существование рядом с ним теперь казалось оскорблением для его природы.

Взгляд Вадима, тяжелый и оценивающий, скользнул мимо остальных присутствующих, игнорируя их застывшие от ужаса позы и немые мольбы о пощаде. Он остановился на девушке, стоящей в стороне. Это не был случайный или поверхностный интерес; это было осознанное, почти хищное притяжение. Она заинтересовала его не как безвольная жертва, ожидающая своего часа, и не как объект для грубого подавления, который можно сломать одним лишь усилием воли. Нет, он увидел в ней нечто иное — равную. В ее позе, даже сквозь пелену всепоглощающего страха, проступала стальная спина человека, способного выдержать давление и дать отпор. В этом внутреннем стержне, в той искре, что пыталась пробиться сквозь ледяной панцирь адреналина, он разглядел потенциал: она могла стать либо его смертельной ошибкой, либо его идеальной союзницей, либо же самым достойным и опасным противником, которого он когда-либо встречал.

— Как тебя зовут? — голос прозвучал низко, с едва уловимой, но пугающей хрипотцой, разрезая густую, вязкую тишину комнаты, словно скальпель.

— Варвара. — Ответ сорвался с губ коротко, почти шепотом, но в каждом слоге угадывалась отчаянная попытка сохранить остатки разбитого достоинства. Она не кричала, не пла-

кала, она просто назвала свое имя, возвращая себе хотя бы крошечный кусочек контроля над ситуацией.

— Интересное имя. Глубокое, с историей, пропитанное древней энергией. Ну что же, Варвара... раздевайся!

Слова повисли в воздухе, прозвучав как окончательный приговор, не оставляющий пространства для маневра. Она вздрогнула всем телом, словно от неожиданного, пронизывающего удара током, мышцы напряглись до предела, но тут же, не найдя в себе физических и моральных сил для дальнейшего, бессмысленного протеста, подчинилась властному, непоколебимому приказу. Это мгновенное, почти инстинктивное подчинение, эта готовность раствориться в воле другого, вызвала у него довольную, хищную ухмылку; зверю внутри явно нравилось доминировать, чувствовать, как хрупкая человеческая воля тает, рассыпается под его напором, превращаясь в покорную глину.

Он медленно поднял голову, и его морда, ранее скрытая в густых тенях и маскировке, вынырнула из плена человеческой кожи, обнажая свою истинную, первобытную сущность. Глаза Вадима, теперь полные холодного, нечеловеческого блеска, пристально пригляделись сквозь линзы человеческих зрачков, изучая каждую микро-реакцию её лица, каждое сокращение мышц, пытаясь считать её душу насквозь. Дрожащие пальцы с аккуратными, тщательно ухоженными ноготками нервно коснулись пуговиц её дешевого платья. Ткань была грубой, синтетической, швы кривыми и небрежными, но для неё это было всё, что осталось от прежней, нормальной жизни, от того человека, которым она была еще час назад.

Она с трудом, с видимым, мучительным усилием расстегивала одну пуговицу за другой, двигаясь сверху вниз, словно совершая некий таинственный, болезненный ритуал прощания с собой прежней. Каждое движение давалось ей с трудом, дыхание сбивалось, а мир сужался до точки контакта пальцев с холодным пластиком.

Несмотря на всепоглощающий страх и глубоко уязвленное, истерзанное достоинство, её спина оставалась прямой, как струна, а подбородок слегка приподнятым. Эта гордая, почти неестественная осанка подсказывала окружающим, что она не собирается сдаваться без боя, что внутри неё еще горит огонь сопротивления. Как бы сильно ни желала она внутри себя отказаться от этого позора, покончить с мучительным стыдом, который жег её изнутри, словно раскаленное железо, она сохраняла внешнюю непоколебимость, превращаясь в статую боли и скрытой, невидимой силы.

Вадим чувствовал это кожей, каждым пором, каждым напряженным мускулом своего тела. Он не просто замечал её внутреннее напряжение — он вдыхал его, словно запах грозы перед ударом молнии. Это была та самая «стервозная», непробиваемая натура, которую так часто и беспощадно презирали слабаки и посредственности, называя её токсичной или сложной. Но для него, живого существа, одержимого остротой ощущений, это было чистейший наркотик, от которого зависимость росла с каждой секундой. В этом молчаливом сопротивлении, в этой отчаянной, почти истерической попытке сохранить достоинство и лицо даже в ситуации, казалось бы, полностью безвыходной, крылась особая, дикая, первобытная привлекательность. Она была как ловушка, из которой нет пути назад, и Вадим с удовольствием шагал в неё.

Никогда в жизни он не питал симпатии к тем самым «сладеньким» девочкам — покорным, гладким и лишенным воли существам, которые соглашались на всё с первой минуты знакомства и были готовы исполнять любые капризы безропотно. Для него такая пресность была синонимом смерти, самой большой и невыносимой скукой, способной убить любую искру интереса за считанные минуты. Острый язычок, готовый в любой момент укусить, язвительная улыбка и упорное, почти бунтарское сопротивление будоражили его древнюю, звериную кровь. Это заставляло сердце колотиться где-то в горле, заглушая голос разума и позволяя инстинктам, веками дремавшим в глубине души, взять полный контроль над ситуацией. Чем

сложнее было её сломать, чем больше она отчаянно цеплялась за свою независимость, тем слаще, пьянящее и сладострастнее казалась ему предстоящая победа, тот самый момент, когда её гордость наконец рухнет под тяжестью его напора.

Волку, как называли его в определенных кругах, она приглянулась не просто как очередная трофейная добыча или развлечение на один вечер, а в качестве серьезной, полноценной любовницы. Ее привлекла не только внешняя, безупречная красота — юная, расцветшая красавица с идеальными, почти скульптурными чертами лица и грацией хищного животного, — но и то, что было немаловажно для человека его круга и положения: она была умна. В ее взгляде, холодном и непроницаемом, читалась ясность льда, та самая хищная наблюдательность, которая безошибочно говорит о том, что героиня прекрасно осознает свою роль и место в этой жестокой игре.

Она не играла в жалкую жертву, не льстила ему в глаза и не пыталась купить его расположение пустыми обещаниями. Она понимала, что ее истинная ценность заключается не в молодости кожи, а в выносливости духа и способности выдержать немыслимый натиск, не рассыпавшись в прах. Она была готова идти до конца, стиснув зубы до крови, если потребуется, и не сломаться под тяжестью его требований, его требований и его тирании. Про таких женщин в клане говорили шепотом, с оттенком зависти, смешанной с глубоким, почти благоговейным уважением: «породистые». Они были созданы специально для того, чтобы принимать на себя его необузданную, разрушительную страсть, его звериный, неукротимый темперамент и ту дикую, хаотичную энергию, которой изобиловал этот мужчина, словно вулкан, готовый извернуться в любой момент.

Именно эта редкая способность стать надежной, несокрушимой опорой в моменты приступов его лютости и бесконтрольной ярости была тем недостающим звеном, того единственного, чего ему так отчаянно не хватало во всей этой чертовой жизни. Последняя «постельная грелка», которую он держал при себе, давно уже надоела, превратившись в скучную обязанность. Она стала предсказуемой, плоской, как лист бумаги, лишенной той самой живой искры, что заставляет кровь кипеть в жилах и заставлять сердце биться в ритме тревожного барабана.

Отношения с ней давно превратились в серую, отупляющую рутину: он приходил к ней лишь тогда, когда физическая потребность становилась невыносимой, острой и требующей немедленного удовлетворения, лишая себя при этом любого намёка на эмоциональную близость, на душевный разговор или на хоть какое-то понимание. Как только кульминация достигнута, первобытное желание утолено и буря утихла, Вадим мгновенно остывал, превращаясь в ледяную глыбу. Он молча собирался, одевался и уходил, оставляя женщину одну в полумраке спальни, в тишине, которая звенела в ушах.

Он видел, как в ее печальных, влажных глазах, залитых слезами стыда или отчаяния, тает крохотная, но настойчивая надежда на большее — на внимание, на заботу, на разговор, на нечто большее, чем просто механический акт секса. Каждая из них, каждая новая жертва его страсти надеялась. Каждая грезилась ему «той самой», единственной, способной разжечь в нем погасший огонь, вернуть вкус к жизни и заставить сердце биться не от похоти, а от чего-то более высокого и страшного.

Но как же эти глупые, наивные самочки до сих пор не способны постичь простую, лишенную всякой сентиментальности и безжалостную в своей чистоте истину? Если природа, этот безликий и безжалостный архитектор судеб, равнодушный к человеческим мечтам и иллюзиям, не нанесла на их плоть свою невидимую, но фатальную печать родства, если древний,

первобытный инстинкт, живущий в крови сильнее разума, не ударил в него током, заставив учуять в них свою единственную, неразрывно связанную с ним половину с первого, мгновенного взгляда, то все остальные усилия обречены на полный и неминуемый провал. Сколько бы раз он ни впадал в ярость страсти с ними, сколько бы холодных или жарких ночей ни делил с ними постель, превращая интимную близость в сухой, механический акт удовлетворения физиологических потребностей, ничего фундаментально не изменится. Их любовь, если вообще можно называть эту бледную, выцветшую тень чувств любовью, останется лишь эхом его собственных желаний, теневой копией, лишенной глубины, искренности и той божественной искры, а вовсе не равноправным, душевным союзом двух половинок одного целого. Это будет пустота, замаскированная под страсть, где он будет кричать в пустоту, а она будет лишь слушать, не слыша ничего, кроме собственного страха, который она не в силах преодолеть, потому что не понимает языка его души.

Возможно, Вадим был настолько силен, настолько переполнен внутренней, бурлящей энергией и уникален в своей извечной, демонической природе, что эволюция просто не успела подготовить для него особую женщину — ту самую, чья аура резонировала бы с его собственной на частоте, недоступной для обычных смертных, слишком хрупких, ограниченных и слепых к истинным вибрациям мира. Оборотнику уже перевалило за сотню лет, век прожит в вечном, изматывающем поиске, в постоянной, изнурительной борьбе с самим собой и окружающим миром, который казался ему чужим и враждебным, полным фальши и лицемерия. Он искал отражение своей души, но идеальная пара так и не появилась, не отозвалась на его глубокий, первобытный внутренний зов, который раздавался где-то в самой глубине его существа, заглушаемый шумом времени, рутиной повседневности и бесконечными разочарованиями, оставлявшими шрамы на его бессмертной, но ранимой душе. Одиночество стало его верным, неотступным спутником, а ожидание — тяжелым, свинцовым крестом, который он нес с гордым, но глубоко измученным лицом, пряча боль за маской равнодушия и презрения, чтобы никто не увидел той раненной части его сердца, которая все еще жаждала настоящего, всепоглощающего единства.

В тишине комнаты, гнетущей и насыщенной пылью неподвижного воздуха, нарушаемой лишь тяжелым, прерывистым дыханием, в котором переплетались предвкушение и тревога, звенящая, как натянутая струна перед грозой, льняное платье, казалось, обрело собственную волю. Оно, словно увядший, потерявший жизненные соки лепесток осеннего цветка, легко и неохотно скользнуло вниз, оставляя на теле лишь легкое, едва заметное прикосновение ткани. Упав на пол с тихим, почти неуловимым шелестом, оно сложилось в бесформенную, печальную кучу, напоминающую сброшенную, сухую кожу змеи — символ старого, отжившего себя слоя защиты, который больше не может удержать хрупкое тело внутри.

Девушка предстала перед ним в одном белье, обнажив бледную кожу, которая казалась еще более хрупкой, почти прозрачной, словно тончайший фарфор, готовый рассыпаться от одного неверного, грубого движения. Этот контраст был ошеломляющим: ее изящество и уязвимость резко выделялись на фоне его массивной, темной и напряженной фигуры, которая казалась высеченной из камня и тени. Он стоял, готовый к броску или удару, словно хищник, замерший в прыжке над своей жертвой, чьи мышцы под черной кожей были напряжены до предела, предвкушая момент разрыва.

Она не дрогнула ни на миг, не позволила страху исказить даже малейшую черту лица, не дала ему возможности увидеть свою слабость. Вздернув подбородок, она демонстрировала достоинство — холодное, неприступное и величественное, достойное королевы, сидящей на троне из льда посреди бушующей метели. Она дышала ровно, размеренно, сохраняя полный, абсолютный контроль над своими эмоциями и телом, несмотря на то, что внутри, вероятно, кипел неугомонный ураган, смешивая ужас с неодолимым влечением. Лишь в глазах, широко

раскрытых и пристально изучающих его, словно пытаясь заглянуть в самую глубокую, темную суть его звериной, необузданной природы, сверкали молнии. Это был не просто взгляд — это было предупреждение о границах, вызов его власти и одновременно таинственное, роковое приглашение к танцу, где победитель может оказаться побежденным, а охотник, застигнутый врасплох собственной страстью, может стать добычей.

— Дальше! — потребовал он, его голос звучал низко, вибрируя в густом, тяжелом воздухе с металлическим, ледяным оттенком, не терпящим ни малейших возражений, сомнений или колебаний. Каждое слово было отчеканено с физической силой, словно удар тяжелого молота по раскаленной наковальне, искрящийся и требующий абсолютного подчинения и немедленного, безоговорочного исполнения. В этом приказе не было места для компромиссов; это была команда, высекая из реальности новые, более жесткие законы игры.

Пролог 3

С легким, почти незаметным движением она плавно завела руки за спину, и тонкий шнурок бюстгальтера лениво соскользнул с плеча, позволяя атрибуту женского белья свободно упасть на пол, смешавшись с тканью платья, которое уже лежало у ее ног.

Теперь она стояла перед ним в минимальном облачении, и следующая деталь гардероба не заставила себя ждать: тонкие, изящные пальчики бережно, но уверенно подхватили кружевной край трусиков с двух сторон и медленно, нарочито медленно потянули их вниз, обнажая совершенство ее тела. Взгляд мужчины, горячий и сосредоточенный, жадно скользнул по гладкой, безупречной коже лобка, оценивая увиденное с профессиональной тщательностью. «Хороша», — мысленно отметил он, чувствуя, как внутри разгорается древний огонь.

Он медленно поднялся с места, и каждое его движение было пропитано хищной грацией. Приближаясь к ней, он шагал не спеша, но неотвратимо, словно хищник, окруживший свою добычу. Оказавшись прямо за спиной девушки, он глубоко вдохнул, втягивая в легкие едкий, сладковатый запах ее страха — этот уникальный аромат, который он узнавал бы из тысячи других.

Его большая, сильная ладонь с тяжелым весом опустилась на округлые ягодицы, мягко поглаживая их, заставляя мышцы слегка дрогнуть. Раздвигая пальцами плотные ткани, вождь скользнул рукой ниже, пока кончики его пальцев не коснулись ее мягкой, живой сути. Раскрыв нежные половые губки, он ощутил внезапную влажность ее лона, и уголки его губ искривились в удовлетворенной улыбке: девичье возбуждение было очевидным и неприкрытым.

Его сородичи, мужчины, боялись его до глубины души, видя в нем воплощение смерти и силы, тогда как женщины, даже будучи охваченными первобытным ужасом перед его мощью, текли, словно мартовские кошки, не в силах противостоять биологическому зову. Эта юная малышка не стала исключением из правила. И для нее, возможно, это было проще: полное подчинение инстинктам снимало груз ответственности и страха.

Вадим просунул средний палец в глубь тугого, напряженного канала, водя подушечкой по набухшему от возбуждения клитору, находя ритм, который заставлял девушку содрогаться. Остальными пальцами он мягко, но властно сминал ее губки, собирая и направляя обильные соки, смазывая путь для следующего шага.

Девушка прерывисто, тяжело задышала, пытаясь сопротивляться накатывающей волне наслаждения, которая размывала границы разума, но попытки были бесполезны. Оборотень четко ощущал, как нарастает ее возбуждение, как бьется сердце и сжимаются мышцы. Терпкий, мускусный аромат, исходящий от нее, резко напомнил ему запах леса после грозы или древнюю комнату, полную тайн, отчего ноздри мужчины затрепетали, предвкушая финал этого ритуала подчинения.

Возбуждение в комнате стало густым, почти осязаемым, наполняя воздух тяжелым, сладковатым ароматом предвкушения и запретного греха. Но если героиня тонула в этом состоянии с головой, то ее гнусные родственники, сидящие в креслах, застыли, словно пригвожденные к месту страхом и стыдом. Они старались быть невидимыми, занимать как можно меньше места, но их подавленное, звериное желание, исходящее от них волнами, не могло ускользнуть от проницательного нюха Вадима. Он чувствовал этот запах так же отчетливо, как хищник чувствует кровь в воде.

Вадим позволил себе ледяную, холодную усмешку, мысленно представляя, какие колоссальные трудности сейчас испытывают мужчины, сидящие позади него. Он точно знал, что их штаны выглядят неприлично натянутыми, а внутри бушует яростная, неконтролируемая

похоть, которую им приходилось заглушать искусственно, чтобы сохранить хотя бы подобие человеческого достоинства. Но, возможно, эта ситуация складывалась даже к их лучшему умыслу, внезапно осознал он. Ведь именно в таком состоянии подавленной страсти они были наиболее уязвимы и послушны.

— Ваши жены еще способны рожать? — голос вожака прозвучал спокойно, ровно и без тени эмоций, словно он спрашивал о погоде, не отрывая взгляда от своей главной «игрушки».

Его пальцы действовали уверенно и методично, набирая обороты в ритме, который заставлял девушку судорожно вжиматься в матрас. Вот он уже ввел второй палец, глубоко и медленно растягивая ее внутренности, добиваясь полного раскрытия и готовности. Каждое движение было рассчитано на то, чтобы довести ее до грани срыва, не позволяя упасть в пропасть наслаждения слишком рано.

— Д-да... — хрипло, сквозь стиснутые зубы, ответили мужчины хором за его спиной. Их голоса дрожали, выдавая не только страх перед хозяином положения, но и собственное, подавленное возбуждение от происходящего зрелища.

— Хорошо. — Вадим кивнул, словно подводя итог важному деловому соглашению. — Я хочу, чтобы они еще зачали. Это не просьба, а инструкция. Если родятся девочки, вы получите щедрое финансовое вознаграждение, но они станут членами моего клана, будут воспитаны по моим правилам и навсегда останутся моей собственностью.

— А если мальчики? — один из родственников, видимо, пытаясь хоть как-то контролировать ситуацию или найти лазейку, робко спросил, хотя его голос предательски дрогнул.

— Они ваши, — безапелляционно ответил Вадим, — но денег вы не получите. Это цена за продолжение рода, которое вы не контролируете.

В этот момент малышка вдруг судорожно схватилась за его запястье, ее пальцы впились в кожу, пытаясь удержать контакт. Ноги девушки начали мелко дрожать, а дыхание стало глубоким, прерывистым, выдыхаясь в судорожных рывках. Оргазм навис над ней, готовый обрушиться любой секундой, но Вадим не собирался так просто, по-доброму, позволять ей достичь этой кульминации. Он хотел контролировать каждый её крик.

Резким, жестким движением он отдернул свою руку от ее нежной плоти, нарушая единство и обрывая нить наслаждения. Девушка ахнула, её тело прогнулось в воздухе, но он лишь усмехнулся, услышав жалобный, умоляющий писк протеста, сорвавшийся с её губ. Подняв пальцы, которые еще мгновение назад касались её самой сокровенной части, он поднес их к своим губам и медленно, с наслаждением облизал, вкушая вкус её девичьих соков, смакуя свою абсолютную власть над её телом и волей.

Пролог 4

Горькое, вязкое разочарование словно смолой обволокло его внутренности, превращаясь в тяжелый камень на душе. Вадим чувствовал, как внутри него просыпается древний зверь, и этот волк был раздражен, подавлен. Да, она была сладкой — в самом буквальном и метафорическом смысле этого слова. Ее запах, ее энергетика, даже то, как она дрожала от страха и возбуждения, все это было изысканным лакомством. Но… она не была его парой. Не той самой, чей запах резонирует с его собственным на уровне самой глубокой, инстинктивной сути.

Хотя, по правде говоря, он должен был предвидеть этот исход. Еще в тот момент, когда она переступила порог его кабинета, мир вокруг не вспыхнул привычным огнем, не зазвучала та самая мелодия судьбы, которую слышат только истинные близнецы душ. Он ничего не почувствовал — ни искры, ни магнитного притяжения, ни того необъяснимого чувства «возвращения домой». И все же, несмотря на холодный разум, в глубине души, в самом уязвимом месте, осталась крошечная, почти детская надежда. Надежда на то, что волк ошибается, что инстинкты можно обмануть. Теперь эта надежда испарилась, оставив после себя лишь пепел пустоты.

Мужчине было искренне, до боли жаль упустить эту возможность. Она бы стала прекрасной спутницей: умной, послушной, с горящими глазами. Но это не мешало Вадиму позволять себе удовольствие здесь и сейчас. Она ему действительно понравилась — не как будущая мать его детей, а как живое, чувственное существо, которое он мог обладать. При виде ее нагого тела, выставленного на всеобщее обозрение, его член с раздражающим упорством отозвался плотной тяжестью в штанах. Волк внутри него, всегда верный своим низменным инстинктам, ощущал мощный прилив похоти, жажду обладания и доминирования.

Нивер никогда не подарит ему щенков. Этот брак не принесет продолжения рода, не укрепит клан новыми сильными вожаками. Но, черт возьми, может прекрасно согреть постель в долгие зимние ночи, когда холод пробирал до костей. А что еще остается желать одинокому волку, вынужденному нести груз ответственности и власти? Разве не лучше иметь рядом теплое тело, чем смотреть на пустые стены?

— Ты не моя пара, — просто, твердо и без тени эмоций произнес он. Его голос прозвучал как приговор, и Вадим отчетливо почувствовал, как воздух в комнате резко сгустился. От ее родственников, стоящих за дверью или в соседней комнате, поплыли волны горького, острого разочарования и облегчения одновременно. Они знали. Они чувствовали это так же, как и он.

— Но я оставлю тебя себе, — добавил он, делая шаг вперед, навязывая свое присутствие. — Хочешь стать хозяйкой в моем доме?

Девушка резко повернула голову, ее глаза расширились от шока, а зрачки сузились до крошечных точек. Она удивленно, почти не веря своим ушам, посмотрела на Вадима, пытаясь прочитать в его лице обман или игру.

— Да, я не говорю такого обычным любовницам, — продолжил он, его тон стал чуть мягче, но в нем все еще звучала сталь власти. — Все же я безмерно устал от одиночества. Устал от тишины, от холодного белья, от вечных совещаний и интриг. Поэтому предлагаю тебе стать моей временной женой. Это будет союз по расчету, по взаимному удобству. Если я так и не найду свою настоящую супругу, если судьба улыбнется мне снова… возможно, это место станет твоим насовсем. У тебя будет статус, защита, роскошь. Что ты скажешь?

Варвара стояла, ошеломленная. Ее разум отказывался обрабатывать услышанное. Встреча с влиятельным волком-альфой, ночь, полная тревог и смутных ожиданий, а теперь — предложение руки и сердца?

- Д-да… Тихо, дрожащим голосом, почти невнятно прошептала Варвара. Она даже не могла сформулировать мысль в полноценное предложение. О таком она и мечтать не могла!

Это было похоже на сказку, из которой она боялась проснуться, потому что реальность всегда оказывалась куда суровее любых фантазий.

Чтобы глава клана предложил ей статус временной жены? Да лучше этого быть не может ничего. Это был не просто компромисс, а высшая милость судьбы, опустившаяся на её голову. В её глазах, привыкших к серости и холоду, этот шаг казался единственным способом вырваться из тисков нищеты. У нее будет все! Никакой голодной бедности, удушающей неуверенности в завтрашнем дне, страха перед каждым новым рассветом. Стабильность. Богатство. И прекрасный мужчина в постели, чье имя станет щитом от всех невзгод внешнего мира.

– Но я не делюсь, малышка. Ты понимаешь, что это значит? А значит, у тебя не будет другого любовника и никогда не будет детей. Твоё тело и твоя судьба принадлежат клану полностью.

Она проглотила ком в горле, чувствуя, как сердце бьется где-то в пятках, но голос выдал твердость, которой она сама в себе не ожидала:

– Я согласна.

– Господин… – подал голос её отец, его рука дрогнула, когда он попытался возразить или, возможно, благословить этот сделанный выбор.

Вадим холодно, но с достоинством отрезал его сомнения, не повышая голоса, но заставляя каждого в комнате замереть:

– Да, я принимаю её как вашу дань для вступления в клан. Это закон. За двух других девушек вы получите дом и денежный капитал, который сулит вам неплохую жизнь, достойную простых людей. Но помните: увеличить его вы можете только подарив клану еще женщин. Также вам будет предоставлена работа. Мои люди не бездельники! Каждый член общины, даже те, кто пришел через брак, должен приносить пользу.

– Как скажете, господин, – покорно пробормотали мужчины, склонив головы. В их взглядах читалось облегчение и смешанное с благоговением смирение перед властью, которую они теперь признавали своим покровителем.

– А теперь уходите, – Вадим кивнул на дверь, его жест был лаконичным и не терпящим возражений. – Маршал клана позаботится о вашем устройстве и распределении имущества.

Дверь за ними закрылась с тяжелым стуком, оставляя в комнате лишь двоих. Тишина стала густой, тяжелой, но в ней уже не было места для страха отца или сомнений девушки. Осталось только ожидание новой главы их жизней, написанной кровью и золотом клана.

Мужчины, не произнеся ни слова и не проявив ни капли колебаний, стремительно растворились в сумерках, оставив девушку наедине с тем, кого она считала своим новым судьей и властелином. Тишина, наступившая после их ухода, была густой и тяжелой, нарушаемой лишь тяжелым дыханием присутствующих.

– Папочка продал тебя, малышка, – еще раз, медленно и отчетливо, пояснил ей всю суть происходящего Вадим. Его голос звучал спокойно, почти ласково, но в нем звучала стальная уверенность, не допускающая возражений.

– Хорошему покупателю, – тихо, но с достоинством добавила она, не опуская глаз. В ее голосе не было ни мольбы, ни страха, лишь холодная констатация факта.

– Умница, ты все понимаешь. Это редкое качество для твоего возраста и положения.

– Я не глупа. Я просто вижу вещи такими, какие они есть.

Вадим сделал шаг ближе, его тень накрыла Варвару, создавая иллюзию защиты и одновременно угрозы.

– Если я найду свою пару, твою судьбу решит она. Не боишься? – он наклонился чуть ниже, чтобы встретиться с ней взглядом. – Есть женщины, которые не задумываясь приказы-

вают убить бывших жен своих супругов, если те становятся неудобными или просто мешают. Ты готова к такому повороту событий?

– Нет, – уверенно, твердо ответила Варвара. Ее глаза не дрогнули. – До сих пор вы же ее не нашли. А пока что вы здесь, и я здесь.

– Ты можешь обращаться ко мне на «ты». Мы переходим к новым правилам игры. Я собираюсь трахать тебя. Часто и долго. Без прикрас и без жалости. Какие условности возможны в таких отношениях, когда тело становится валютой и оружием одновременно? – он порочно улыбнулся, его взгляд скользнул по лицу девушки, изучая каждую реакцию, наблюдая, как медленно, но верно розовеют ее щеки от смешанного стыда и нарастающего возбуждения.

Грудь Варвары плавно приподнялась и тяжело опустилась в такт учащенному дыханию. Возбуждение витало вокруг нее, плотное, осязаемое, наполняющее воздух электричеством. Из нее исходил тот самый запах сладкого нектара, терпкий и манящий, который сулил ему не просто физическое наслаждение, но и глубокое, первобытное удовлетворение. Волк внутри него, спящий до этого момента, резко открыл глаза и жадно облизнулся, предвкушая добычу.

Вадим протянул руку, его пальцы, теплые и уверенные, ласково провели по ее плечу, спускаясь чуть ниже, к ключице. Он изучал ее реакцию, проверяя границы допустимого.

– Ты уже не девственница, – констатировал он, и в этом утверждении не было ни осуждения, ни восхищения, лишь сухой факт. – Но то, что будет происходить дальше, изменит тебя навсегда. Ты готова принять эту трансформацию?

Вадиму нравилось чувствовать, как под его ладонями пружинит нежная, шелковистая девичья кожа, эта хрупкая уязвимость, контрастирующая с нарастающим внутренним напряжением. В глубине его существа, в самом темном и первобытном углу души, проснулся древний волк. Он не просто проснулся — он встрепенулся, чувствуя резкий скачок адреналина и острую, почти физическую потребность заполучить эту девушку. Мысли Вадима, обычно сдержанные и рациональные, теперь окрашивались в цвета грубых, властных фантазий: он мысленно наклонял её над холодным краем стола, создавая пространство для своего доминирования. Ему хотелось покрыть её собой полностью, стиснуть, чтобы она почувствовала каждую линию его тела, каждый ритм его дыхания, стирая границы между ними в едином порыве страсти.

Однако, прежде чем тьма желания поглотила их обоих, она нарушила эту немую игру, её голос прозвучал твердо, хотя и с легкой дрожью, выдающей волнение:

– Нет, я уже не девственница. И я готова к тому, что ты можешь мне предложить.

Ломая себя

– Замечательно. Я ни к чему возиться с невинностью, это слишком долго и предсказуемо. Мне нужна зрелая партнерша, женщина, которая знает, чего хочет и не будет дрожать от страха или стыда подо мной.

– Только от желания, – томно, с легкой хрипотцой проговорила Варвара, позволяя голосу потечь медовым потоком. Вадим знал по своей интуиции, подсказкам обоняния и напряжению в её теле, что малышка не играла. Она не притворялась.

Людей невозможно обмануть тонким, острым нюхом оборотня. Его ноздри улавливали малейшие изменения в химии тела, каждый испарина страха или всплеск либидо. Её готовность, её открытость и та специфическая сладость, исходящая от неё, радовали мужчину, пробуждая в нём древний, первобытный инстинкт обладания.

– Хороший ответ, девочка, – шепнул Вадим ей прямо на ушко, его дыхание обожгло чувствительную кожу, а горячее тело плотно прижалось к её спине, создавая ощущение непреодолимой, тяжелой стены.

Не дав ей времени осмыслить сказанное, он резко, но уверенно толкнул её вперед. Варвара потеряла равновесие и, не успев даже вскрикнуть, качнулась, падая лицом вниз и хватаясь пальцами за холодный, гладкий край массивного стола.

– Расставь ноги шире! – в приказном, почти рыкающем тоне произнес мужчина. Глубина его голоса, вибрирующая где-то в самой груди, кричала о том, что он давно вышел за рамки обычного человека. Зверь, спящий внутри, подобрался так близко к поверхности кожи, что Варвара могла почувствовать её жесткость и напряжение.

Девушка моментально выполнила приказ, не задумываясь. Звук расстегивающейся молнии, сухой и отчетливый, донесся до её ушей в тишине комнаты, после чего она почувствовала, как горячее, тяжелое прикосновение прижалось к её ноющему лону. Жар был нечеловеческим.

Варя слышала рассказы, шепоты за спиной и жуткие истории о том, что оборотни обладают крупным, мощным органом, температура которого была намного выше, чем у обычных мужчин, а размер пугал воображение. Но сама она впервые сталкивалась с представителем этой расы лицом к лицу. Да и невинности девушка лишилась всего месяц назад, когда её отец, движимый страхом и жаждой выживания, принял решение отдать её новому вожаку за покровительство и защиту клана. Теперь она была его собственностью, и каждый шаг в этом новом, жестоком мире делал её всё более зависимой от его воли.

Она помнила тот роковой вечер, когда родитель вошел к ней в комнату, не постучавшись, с молодым мужчиной. Воздух в помещении стал тяжелым, пропитанным запахом дорогого табака и холодным, металлическим привкусом неизбежности. Свечи мерцали, отбрасывая длинные, дрожащие тени на стены, словно предвещая грядущие беды.

– Папа? – ее голос прозвучал тихо, почти неуверенно, нарушая нависшее молчание. Она застыла у окна, чувствуя, как по спине пробегает холодок, хотя в комнате было душно.

– Послушай, Варя, – отец шагнул вперед, его лицо было бледным и искаженным тревогой, которую он старался скрыть за маской авторитета. – Ты знаешь, что наша семья находится в плачевном положении. Финансовая дыра настолько глубока, что мы уже ступили на край пропасти. Если мы не найдем защиты, нас вытеснят в район отщепенцев. Там, среди руин и заброшенных секторов, тебя и твою мать ждет судьба проституток или рабынь. Я не хочу для вас такого, Варя. Особенно для твоей младшей сестры.

Варвара хмыкнула, но в этом звуке не было насмешки, лишь горькая усмешка над несправедливостью мира. О Маше всегда заботились тщательно и бережно, укутывая в вату, чтобы ни один ветерок не посмел коснуться их хрупкого благополучия. Когда-то некая известная ведьма, чьи пророчества считались законом, предрекла, что младшая дочь может принести их

семье невероятный достаток и величие. После этого предсказания отец словно сошел с ума, одержимый идеей сохранить «золотую жилу» нетронутой.

Все свободные средства, все оставшиеся активы шли на обучение Марины в закрытом пансионе элитного типа для девочек, где царила атмосфера абсолютной изоляции от жестокого внешнего мира. Им казалось, что так они сохранят невинное мировоззрение малышки, защищая ее от любых пятен на репутации. Сама Варя годами ощущала укол зависти и глухого, нарастающего негодования. Сестра была младше ее всего на четыре года, но получила всю родительскую любовь, внимание и ресурсы исключительно из-за глупой болтовни какой-то старухи в лохмотьях. Варя же росла в тени, выполняя невидимую работу, чтобы семья не рухнула под тяжестью собственных иллюзий.

Сейчас Варе исполнилось двадцать, возраст, когда юность сменяется суровой реальностью, и расплата за годы растрат и нищеты легла на ее хрупкие плечи. Она видела, как тают последние запасы, как родители прячут от нее глаза, но она слышала их разговоры. Она подслушивала шепот отца и дяди, когда те обсуждали отчаянный план: вступить в один из сильных кланов на планете, чтобы получить защиту и ресурсы.

Условие было жестким и бескомпромиссным. Для того чтобы клан принял их под свое крыло, необходим был платный вход – дань вожаку. И этой данью должна была стать сама Варя. Не золото, не недвижимость, а ее собственная жизнь, ее тело и ее будущее. Теперь, стоя в этой полумрачной комнате, она понимала: выбор, который ей предстоит сделать, определит не только ее судьбу, но и то, останется ли ее семья на поверхности или скатится в бездну.

И ей суждено было стать этим подарком. Невинную, наивную девушку, чей мир до сих пор казался безопасным и понятным, собирались без колебаний отдать на растерзание и потеху дикому зверю. Эта мысль не могла не вызывать леденящего ужаса, заставляя сердце биться в неровном, болезненном ритме. Страх перед неизвестностью и неизбежностью судьбы давил на плечи тяжелым камнем.

– Я знаю об этом, папа, – тихо ответила она, стараясь контролировать дрожь в голосе.

Отец тяжело вздохнул, его фигура в кресле казалась еще более согнутой от груза ответственности.

– Альфа Егоров принял нашу заявку на рассмотрение. Это серьезный шаг, Варя. Он назначил нам встречу ровно через месяц. А это значит, что в случае положительного решения, если мы докажем свою лояльность и полезность, ты должна будешь… – отец замешкался, его глаза избежали встречи с дочерними, он сосредоточенно смотрел куда-то в сторону, словно пытаясь найти слова, которые не прозвучат слишком жестоко. – …ты должна будешь отдать себя тому, кого он укажет.

– Лечь под оборотня, на которого укажут, – ехидно, почти насмешливо добавила Варвара, чувствуя, как внутри закипает горькая волна.

Злость поднялась в ее душе, ослепляя разум. Обида накрыла с головой, затопила легкие, но она не могла позволить себе поддаться эмоциям. Плач или крик ничего бы не изменили. Другого выхода не было. Ей придется стать добровольной жертвой, чтобы спасти семью от краха.

– Да, – твердо подтвердил отец, словно облегчая себя этой констатацией факта. – Но слухи об оборотнях правдивы, и они страшнее, чем кажется. Их инстинкты, их природа… Если твой первый раз, твоя невинность случится с одним из них в таком состоянии, я боюсь, что ты не оправишься. Психика может не выдержать шока. Поэтому весь этот месяц этот парень, Паша, – он кивнул на гостя, сидевшего за своей спиной, – будет жить с тобой. Он будет обучать тебя. Готовить к этому моменту.

Варвара почувствовала, как кровь прилила к лицу, щеки горят стыдом и гневом.

– Трахать! – взорвалась девушка, наконец сорвавшись с места. – Ты хочешь сказать, что он будет трахать меня! Что мне нужно будет привыкать к сексу с чужим мужчиной, чтобы потом быть готовой принять зверя?

– Хочешь называть вещи своими именами – хорошо! – разгневался отец, его голос сорвался на крик. – Пусть будет так. Он будет трахать тебя. Будет приносить тебе удовольствие, изучать твои реакции, твои предпочтения. За это ему хорошо заплачено. Наши последние деньги. Все, что у нас осталось. Ради твоего будущего комфорта, ради того, чтобы ты не чувствовала боли и страха в первую ночь. Ты привыкнешь к мужскому телу, к близости, и тогда с большей радостью, с меньшим сопротивлением сойдешься с оборотнем. А потом еще спасибо скажешь за мою заботу!

Варвара усмехнулась, но эта усмешка была горькой и полной яда.

– Спасибо, дорогой папочка! – с сарказмом проговорила она, каждое слово словно ножом резало воздух. – Твоя забота невероятна! Что в районе отщепенцев, что здесь, в «цивилизованном» мире, ты делаешь из меня шлюху. Ты просто продаешь мое тело, чтобы купить нам место под солнцем.

– Шлюху, о которой будут заботиться, как о цветке! – взорвался отец, вставая из кресла. – Паше заплачено именно за это! Он должен сделать тебя мягкой, открытой, доступной. А оборотни лелеют понравившихся женщин, оберегают их. А если повезет, и ты станешь истинной парой, то вообще получишь от него все, что пожелаешь: защиту, богатство, вечную жизнь. Нам нужно только достичь цели и войти в клан. Выжить.

– Как у тебя все просто, папочка! – голос Вари дрогнул, но в нем звучала сталь. – Вам нужно! А обо мне ты хоть раз подумал? О моем страхе? О том, что я хочу жить, а не существовать?

– Ты хочешь, чтобы я отдал им твою мать? Или совсем невинную сестру? – отец резко обернулся, в его глазах мелькнула отчаянная мольба. – Ты знаешь Машу, она не выдержит. Она сломается. А ты… Варя, – устало выдохнул он, опускаясь обратно на стул, – мы с твоим дядей стараемся поступить как лучше. Мы делаем это ради семьи. Ради того, чтобы у нас вообще было будущее.

Она выдохнула, и этот выдох был долгим, тяжелым, будто из легких уходила не просто воздух, а сама надежда на спасение, но губы остались сомкнуты. Она промолчала, и причина этого молчания была не в подчинении отцовской воле и не в страхе перед ним. Нет, она хранила тишину ради матери. Варя прекрасно видела, какой ценой давалось каждой новой минуте жизни их семье: как мать сгибалась под тяжестью бесконечной работы, как в ее глазах гас свет, а на щеках появлялись ранние морщины от постоянного напряжения и голода. Если план отца, этот коварный и безжалостный замысел, удастся, то мама наконец-то обретет покой. Она перестанет искать крохи в мусорных баках, перестанет мерзнуть по ночам и перестанет плакать в подушку, чтобы Варя не слышала. И сама Варя навсегда оставит позади этот ад: голод, холод, унижение и нищету, которая душила их с детства.

— Я поняла, отец, — сквозь стиснутые зубы, с трудом выдавила девушка. Голос прозвучал глухо, без эмоций, как у человека, который уже перестал чувствовать боль. Она даже не повернулась, не сделала ни малейшего движения в сторону мужчины, когда он подошел ближе и нежно поцеловал ее в лоб. Этот жест казался ей фальшивым, театральным, но она терпела, закрывая глаза и представляя себя невидимкой.

Как только тяжелые шаги отца удалились, а за ним захлопнулась дверь комнаты, тишину разорвал звук упавшей на пол сумки. Парень кинул ее с раздражением, а затем сделал уверенный шаг к ней, нарушая личное пространство. Варя замерла, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Первое, что он сказал, поразило ее своей неожиданностью и какой-то пугающей искренностью:

— Ты очень красивая. Позволь мне прикоснуться к тебе.

В его голосе не было наглости или требования, лишь тихая мольба и что-то похожее на восхищение, которое заставило Варю на мгновение забыть о своем горе. В итоге Паша оказался не тем монстром, которого она ожидала встретить в роли своего «спасителя». Он оказался очень чутким и нежным любовником. Каждое его движение было продумано, каждый взгляд полон заботы. Он учил ее новым ощущениям, бережно открывая тело, которое она считала собственностью, а не частью себя.

За этот месяц он привязался к ней по-настоящему, вглядываясь в лицо, слушая дыхание, запоминая привычки. Варя чувствовала эту привязанность и даже иногда позволяла себе мечтать, что, возможно, эта связь может стать чем-то большим. Но тут же жестоко отшвыривала эти мысли. Она не позволяла себе подобного. Она знала, что не имеет права любить его, потому что любовь требует свободы, а у нее ее нет. У нее нет на это права, пока она остается инструментом в руках своего отца.

Парень тоже это знал. Он чувствовал холодность, которая была между ними, несмотря на физическую близость. Поэтому последние дни их совместного проживания он не выпускал ее из постели. Он держал ее в своих объятиях, прижимал к себе так сильно, что у нее перехватывало дыхание, и показывал телом то, чего не мог произнести вслух. Его руки говорили о том, что он хочет быть с ней, но его глаза предостерегали: это конец. Это финал их игры. И Варя, закрыв глаза, позволяла себе эти последние моменты иллюзии, зная, что после них наступит реальность, от которой невозможно убежать.

Первая близость

Два грубых, уверенных пальца резко вторглись во влажное, дрожащее лоно, заставляя девушку судорожно выгнуть спину и вернуть мысли из туманного настоящего обратно в холодный, обставленный с изысканной роскошью кабинет. Там, всего несколько мгновений назад, она стояла рядом со своим хозяином — высоким, опасным оборотнем, чей взгляд тяжелым свинцом давил на плечи, а запах дикой природы и доминирования пропитывал каждый вдох. Теперь её статус изменился кардинально: она стала «временной женой».

Это специфический, хоть и негласный институт в мире оборотней. Таких женщин брали те из них, кто по каким-то причинам не нашел свою единственную и настоящую пару — свою кровную половинку, судьбу. Возможно, из-за слишком юного возраста, возможно, из-за социального статуса или просто потому, что истинная любовь еще не встретилась на пути. Но инстинкт создания семьи, потребность в тепле домашнего очага и тихом ужине оставались сильными, и тогда в ход шли эти договоренности.

К сожалению, для таких женщин будущее было туманным и часто печальным. Как только в их жизнь входила та самая истинная супруга, чья связь с мужчиной была отмечена самой природой и магией крови, роль «временной жены» становилась ненужной. Сценарии развития событий различались жестоко: иногда этих женщин, воспринимавых как угрозу или соперницу, по приказу настоящей жены устраняли — молча, быстро и без следа, чтобы не портить нервы новой хозяйке дома.

Иногда же судьба была милосерднее: женщин отпускали с щедрой финансовой компенсацией, позволяя вернуться к прежней жизни, но уже с новым багажом опыта и денег. Изредка, если отношения складывались особенно доверительно, женщины оставались жить в большом доме, прислуживая паре, становясь частью их сложной, но гармоничной системы. Но в основном «временные жены» богатели от откупов оборотней, получая взамен свободу и возможность снова взять свою жизнь в собственные руки. Идеальный вариант, по мнению Вари, которая сейчас сжималась под натиском страсти, пытаясь осознать свою новую реальность.

– О Боже! – вспыхнула девушка, когда пальцы сменил толстый, горячий орган, заполонивший её пустоту. В этот момент она впервые ощутила не страх, а странную, всепоглощающую признательность к отцу. Именно он подготовил её к этому, обучил терпению и пониманию своего тела, чтобы этот момент не стал трагедией.

Если бы это был её первый раз, боль от первичного проникновения могла бы убить любое желание спать в дальнейшем с мужчиной, оставив лишь шрамы на психике. Даже сейчас, при текущем опыте, от резкого растяжения своих мышц она ощущала легкие, острые спазмы, предупреждающие о пределе. Но в то же время, мощное, волнующее возбуждение помогало телу приспособиться, смазывая путь естественной влагой и расслабляя напряженные ткани. А когда мужчина начал двигаться — глубоко, ритмично и властно, забирая контроль полностью, — дискомфорт ушел на второй план, растворившись в потоке наслаждения, которое захлестнуло её с головой.

Каждый резкий, грубый толчок заставлял Варвару невольно вжиматься спиной в край массивного стола, пальцы судорожно бледнели, впиваясь в холодную древесину, чтобы удержаться на плаву в этом шторме ощущений. Из её уст срывались громкие, дикие стоны, которые она не могла сдержать, — звуки, полные отчаяния и блаженства одновременно, звучащие как мольба и как приговор. Это было невероятно мощно, безостановочно и напористо, словно сама природа требовала своего права через него. Ничто в её прошлом опыте, никакие фантазии или ожидания не могли подготовить её к этому уровню интенсивности. Наслаждение, нарастая с каждым ударом, грозило полностью перевернуть её мир, стерев границы реальности. Варвара с ужасающей ясностью понимала: после этого момента она больше никогда не сможет смотреть

на обычного мужчину, ведь привычная, спокойная близость казалась бы ей теперь бледной тенью того, что она испытывала здесь и сейчас.

Внутренние мышцы, спазмированные от перенапряжения, судорожно сжимали его член, отказываясь выпускать его, словно пытаясь удержать внутри саму суть этого божественного наказания. Это трение плоти о плоть, эти ритмичные, разрушительные удары толстой головки прямо в самую чувствительную, напряженную точку внутри неё, сводили разум с ума, стирая любые мысли, кроме одного: *еще, еще, еще*. Варвара пронзительно кричала от экстаза, её голос ломался, теряя человеческие черты, превращаясь в чистый звук животной радости. Зверь же был ненасытен, его потребность была первобытной и неконтролируемой. Он навалился на нее всем своим тяжелым, мощным телом, одной рукой крепко обхватив её живот, а другой прижимая к поверхности, тем самым удерживая девушку неподвижно, лишая её возможности хоть как-то компенсировать силу его ударов. Да у неё и не осталось сил стоять — ноги превратились в ватные нити, и только его поддержка, его доминирующая фигура, не давала ей повалиться на пол в полном изнеможении. Мужские бедра ходили взад-вперед с умопомрачительной скоростью, превращая этот акт в единственно возможный ритм вселенной.

Он брал её, руководствуясь исключительно своей сущностью. По-звериному дико, яростно, без малейшей жалости к её слабости. Первобытно. Она находилась полностью в его власти, как добыча в лапах хищника, беспомощная и вынужденно расслабленная перед лицом превосходящей силы. Мир сузился до размеров этой комнаты, до точки контакта их тел, до звука её собственного дыхания.

– Пожалуйста… пожалуйста… – хрипела Варвара, её голос был похож на шепот умирающего, прося освобождения от этого неземного, невыносимого удовольствия, которое одновременно убивало и оживляло её.

Но он заботился лишь о своей похоти, о том, чтобы довести оба тела до предела. Властный, доминантный зверь, который не знал слова «стоп». И когда же он наконец, с рыком, вырывающимся из самой глубины груди, достиг пика, девушка почувствовала, как внутри неё разливаются горячие, тягучие потоки семени. Это внутреннее наводнение, этот финальный аккорд стал тем триггером, который привел её к собственному, сокрушительному экстазу. Яркие вспышки света проносились за закрытыми веками, тело дрогнуло в последнем судорожном спазме, и Варвара, не выдержав интенсивности чувств, просто уплыла за границу сознания, оставив тело пустым и дрожащим под весом покорившего её мужчины.

Когда буря страстей наконец утихла, и после острого пика наслаждения осталось лишь тягучее, сладкое чувство глубокой удовлетворенности, Вадим медленно, с трудом высвободился из объятий девушки. Его движения были осторожными, бережными, словно он боялся потревожить хрупкое состояние партнерши. Удерживая ее безвольное тело в своих крепких руках, он чувствовал, как она буквально растворяется в его ладонях. Он точно знал: Варя отключилась от реальности из-за переизбытка эмоций и физических ощущений. Для многих женщин подобное случается впервые — их нервная система просто не выдерживает такого интенсивного всплеска, и разум отключается, оставляя тело в состоянии полного покоя.

Спаривание с оборотнем кардинально отличается от обычного секса с человеком. Это не просто физическая близость, а глубокое, почти мистическое слияние энергий, где каждый прикосновение несет в себе отпечаток древней силы и инстинктов. Вадим аккуратно поднял ее на руки, поддерживая под колени и спину, и бережно опустил на мягкую поверхность дивана. Его взгляд скользнул по ее лицу, и в мыслях мелькнуло короткое, но яркое слово: *«Красивая»*.

Но вместе с восхищением пришла и холодная ясность: *«Жаль, не моя пара»*.

Это осознание подтверждалось даже физиологически. Способность Вадима так быстро покинуть ее тело, не задерживаясь в ней дольше необходимого, служила неопровержимым доказательством того, что семя, которое он выпустил, оказалось «пустым». Оно не несло в

себе жизни, не было способно дать плоды. В мире оборотней это означало одно: их души не перекликались, их судьбы не были связаны узами, которые могли бы создать новую семью.

Волк внутри него, тот самый первобытный инстинкт, почувствовал горечь, смешанную с легкой грустью. Варя могла бы стать идеальной супругой. Она была сильной, гордой, несгибаемой в своих убеждениях — качествами, которые высоко ценились в племени. Вместе они могли бы составить прекрасную пару, опору друг для друга. Но против природы, против древних законов рода Вадим не мог пойти. Как и любой другой оборотень, он был обречен следовать лишь тем связям, которые предопределены свыше, а не тем, что диктуется лишь желанием или совместимостью характеров.

Ему оставалось лишь принимать эту реальность и наслаждаться тем, что дано здесь и сейчас: ее телом, ее обществом, теми мгновениями искренности и страсти, которые возможны без глубокого душевного единения и обещания семейного счастья.

Однако, несмотря на всю тяжесть этого осознания, в глубине души Вадим допускал возможность иного развития событий. А вдруг волк сможет полюбить ее не только на уровне инстинктов и похоти, которую она вызывала в нем до самой последней капли? А вдруг время и совместные испытания изменят что-то в их отношениях? Все зависело теперь не только от воли оборотня, но и от самой девушки, от ее готовности принять эту связь, и от той тайной нити судьбы, что была им уготована.

Визуалы Вадима и Варвары

Вадим Егоров. Альфа стаи и хозяин Варвары

Варвара Игонина

1

Два года спустя

Спокон веков, задолго до того, как человечество научилось строить небоскребы и покорять космос, в нашем мире безраздельно господствовали оборотни. Их власть была абсолютной, а города — не просто скоплениями зданий, а сложными территориальными образованиями, жестко поделенными на кланы. Во главе каждого такого клана стоял Альфа — сильнейший, мудрый и жестокий лидер, чье слово было законом. Люди, будучи биологически гораздо слабее и уязвимее этих могущественных существ, быстро осознали свою зависимость и стремились любой ценой попасть под протекцию вожака. Для обычного человека это означало не только физическую безопасность, но и право иметь кров над головой, защищенный от хаоса и диких зверей дикой природы. И хотя многие представители оборотней с презрением относились к «простым смертным», считая их сущностями низшего порядка, человечество все же приловчилось жить среди них, адаптируясь к новым, суровым правилам игры.

Почему же эти могущественные, обладающие невероятной силой звери терпели присутствие людей рядом с собой? Ответ кроется не в милосердии или справедливости, а в самой биологии и природе оборотней. Оказалось, что среди их вида не рождаются самки. Популяция состояла исключительно из мужских особей, что создавало критическую проблему продолжения рода и эмоциональной разрядки. Единственным выходом для поддержания баланса стали человеческие женщины. Оборотни находили себе пары именно среди них, и именно эта биологическая потребность стала главным рычагом давления на сильнейших. Альфы, несмотря на свою силу, были уязвимы перед этим инстинктом, что позволяло людям занимать особое, хоть и хрупкое, положение в обществе.

Однако не каждая женщина могла стать носителем потомства от оборотня. Лишь истинная супруга, та самая, с которой судьба связала вожака неразрывными узами, входила в период особой, мистической овуляции. В это время тело женщины само, подсознательно стремясь к зачатию, отвечало на зов партнера. Среди оборотней этот редкий и опасный период назывался «течка». Это было время высокой гормональной активности, когда контроль над разумом ослабевал, а инстинкты брали верх. Многие самцы так и не смогли найти свою единственную истинную пару, поэтому они часто брали временную жену. Ту, которая скрашивала долгие годы их одиночества, даря тепло, уют и счастье, пусть и бездетное. Эти отношения были скорее партнерством по выживанию и эмоциональной поддержке, чем страстным союзом, но они давали обоим сторонам стабильность.

Но иногда, уже имея такую надежную, проверенную временем жену, оборотни находили свою истинную супругу. Это событие меняло судьбу женщины кардинально и часто трагично. Она больше не была нужна своему мужу в прежнем качестве. Зачастую «бывшая» получала статус «свободной» женщины, который сопровождался крупным денежным фондом. Эти деньги выступали своего рода откупом или благодарностью за годы верности, терпения и заботы, которую она оказывала вожаку. С этим капиталом она уходила на все четыре стороны, обретая свободу. При ней навсегда сохранялось имя оборотня, что позволяло ей жить в обществе без проблем и страха: никто не посмел бы тронуть женщину, носившую фамилию сильнейшего хищника. Но в то же время она имела полную волю выбрать себе любовника сама, заняться бизнесом или просто жить в свое удовольствие, наслаждаясь жизнью, которую раньше строила ради другого.

Статус «временной жены» в обществе оборотней, несмотря на внешнюю привилегированность и близость к вожде, скрывал в себе смертельную угрозу, от которой не застрахован был никто. Это был своеобразный, но крайне реальный риск, корнями уходящий в древние законы стаи: истинная супруга, чей брак был запечатлен кровью и судьбой, обладала неоспо-

римым правом требовать устранения своей предшественницы. Такая просьба редко звучала как каприз; чаще всего это была суровая необходимость, продиктованная ревностью, чувством уязвленного достоинства или просто инстинктивной потребностью очистить свою территорию.

Особенно критичной ситуация становилась в тех случаях, когда новая, законная жена искренне любила своего мужа и была категорически не готова делить с ним даже малейшую часть его внимания. В таких ситуациях «временная» возлюбленная воспринималась не как случайный эпизод, а как прямая угроза благополучию семьи и репутации стаи. Даже если сам оборотень уже остыл к своей прежней партнерше, перестал испытывать к ней страсть и рассматривал прошлое лишь как этап развития, для истинной супруги это не имело значения. Ей не было дела до того, что волк считает ситуацию закрытой; для нее существовала только одна истина — женщина рядом с её мужем должна быть уничтожена.

В таких экстремальных сценариях вождь часто действовал самостоятельно. Волк, движимый безграничной преданностью и желанием обеспечить счастье своей единственной и настоящей пары, мог лично взять на себя роль палача. Он убивал бывшую возлюбленную собственными руками, стирая прошлое физически. И здесь вступал в силу негласный, но незыблемый кодекс стаи: закон ничего не мог предъявить вождю за такой поступок. В мире, где сила и инстинкт правят бал, личные желания и эмоциональное состояние истинной супруги ставились выше любых человеческих моральных норм или юридических последствий. Жизнь «временной» жены стоила ровно столько, сколько весила любовь её наследницы.

Именно эта постоянная угроза висела над головой Вари, превращая её дни в череду тревожных ожиданий. Каждый рассвет она встречала с мыслью: «А вдруг сегодня появится она?». Варя жила в состоянии перманентного стресса, ожидая в любой момент увидеть перед собой ту самую истинную супругу, чей приказ о её смерти мог разлететься по стае как гром среди ясного неба. Страх был не просто эмоцией, а постоянным фоном, влияющим на каждое её решение и движение.

Понимая, что пассивное ожидание неминуемой гибели неприемлемо, Варя приняла твердое решение действовать. Втайне от мужа, чье доверие она берегла как зеницу ока, она начала разыскивать информацию о возможной конкурентке. Её логика была проста и жестока: если ты не можешь избежать неизбежного, ты должен найти способ повлиять на этот процесс. Варя искала не просто врага, а потенциального союзника. Она мечтала о том, чтобы встретиться с будущей законной женой до того, как станет объектом охоты, и попытаться договориться с ней.

Цель Вари была амбициозна и отчаянна: получить от истинной супруги статус «свободной женщины». Это означало не просто сохранение жизни, но и возможность уйти с достоинством, сохранив свои ресурсы и свободу действий. Варя понимала, что прямое противостояние с вожаком или его новой избранницей обречено на провал, поэтому путь дипломатии и хитрости казался ей единственным шансом на выживание.

При этом Варя не была полностью лишена чувств. Она испытывала к вожаку сложную гамму эмоций, включая нежность, благодарность и, возможно, даже любовь, которую она сама себе постоянно запрещала признавать. Однако, несмотря на эти чувства, её инстинкт самосохранения был сильнее. Она не собиралась становиться жертвой, жертвовать собой ради абстрактной идеи любви или долга. Для Вари жизнь была самой ценной валютой, и она была готова использовать любые доступные средства, чтобы не положить её на алтарь чужой страсти и стаиных традиций.

Вадим, измученный десятилетиями тягостного одиночества и бесконечными поисками, давно перестал питать иллюзии относительно того, что истинная, предназначенная судьбой пара когда-либо появится в его жизни. Его сердце, казалось, застыло в ожидании, которое так и не сбылось. Однако Варвара, в отличие от него, не имела права позволить себе расслабленность или беспечность. Жизнь ее матери, наконец, стабилизировалась: все опасности мино-

вали, угрозы исчезли, и теперь женщина могла спокойно вздохнуть, зная, что ей больше ничего не грозит.

В этот период спокойствия произошло событие, которое перевернуло все привычные представления о клановой иерархии. Женщина родила третьего ребенка, и, к общему удивлению, на свет появилась девочка. Невероятно, но эта новорожденная оказалась той самой «парой беты» — ключевой фигурой в пророчестве, о которой ходили смутные слухи. Стоило лишь Вадиму взять младенца на хрупкие руки, как мгновенно проявилась древняя, инстинктивная связь. Он почувствовал всё: резонанс душ, магическую привязанность и то самое чувство целостности, которого ему так не хватало всю жизнь.

Конечно, теперь оборотню предстоят долгие, терпеливые годы ожидания, пока девочка вырастет и сможет осознать свою роль. Но этот выбор навсегда обеспечил ее семье прочное, неприкосновенное место в клане Олега, защищая их от любых посягательств извне. Ирония судьбы заключалась в том, что младшей дочерью из древнего пророчества оказалась не Маша — старшая сестра, которую родители так нежно лелеяли, оберегали и возводили в ранг единственной наследницы, — а эта крошечная, беззащитная новорожденная, чье значение стало ясно лишь благодаря магическому отклику.

Дядя же, увы, не мог похвастаться подобным везением. Его супруга, увы, не смогла выносить беременность и потеряла ребенка, что нанесло тяжелый удар по его эго и статусу. Поэтому он постоянно твердил, что его единственный, поистине значимый вклад в продолжение рода — это дочь, Варвара. Варвара, наблюдая за ним, испытывала лишь глухое сочувствие к своей двоюродной сестре, понимая глубину его неудач. Однако за фасадом семейных уз и жалоб скрывалась темная сторона натуры мужчины: зависть и жажда наживы ярко светились в его глазах, когда он смотрел на новую малышку. Варвара не сомневалась ни секунды: придет время, и он решит продать девочку подороже, рассматривая ее как товар, а не как родственную душу.

Вадим, разумеется, знал об этих грязных мыслях дяди, о его корыстных планах. Но пока он не спешил вмешиваться, позволяя событиям течь своим чередом. Девочка росла, официально состояла в клане и была под защитой закона крови. Всё дальнейшее будет зависеть от нее самой — от ее воли, характера и силы духа, — а также от того, найдет ли она своего оборотня, своего истинного партнера, который разделит с ней эту бремя и привилегию.

– Милая, я достаточно даю тебе денег? – сладко, с притворной заботой спросил Вадим за обедом, внимательно наблюдая за каждым ее движением.

– Да, дорогой, – тихо ответила Варвара, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Тогда почему ты снова одела чужую вещь? – его голос стал мягче, но в нем зазвучала сталь. – Мне не нравится этот аромат на тебе. Чужой. Не твой.

Варвара не стала медлить ни секунды. С легким шелестом ткани она поднялась со стула, ловкими движениями стягивая с себя легкую блузку и отбрасывая ее в сторону, словно ненужный аксессуар. Под ней не оказалось привычного белья; обнаженное тело девушки предстало перед мужчиной в своей первозданной, почти детской наивности. Розовые, едва заметные соски, припухшие от прохлады воздуха, четко выделялись на фоне гладкой кожи, создавая контраст между хрупкостью юности и животным магнетизмом момента.

— Вот это моя девочка, — с глубоким удовлетворением пробормотал Вадим, его голос звучал низко и вибрирующе. Он наслаждался каждым миллиметром открывшегося взору молодого тела, чувствуя, как внутри нарастает древний, неукротимый голод.

Варвара лишь слегка улыбнулась, не проявляя ни смущения, ни страха.

— Прости, Вадим, я искренне не знала, что эту блузку уже кто-то носил до меня. Она так красиво сидела...

Мужчина усмехнулся, его взгляд стал тяжелым и проницательным.

— Я же говорил тебе, дорогая, чтобы ты перестала покупать вещи во второсортных бутиках. Там никто не заботится о гигиене. Мало кто из них мерил эту одежду до тебя, и еще меньше — стирало ее должным образом.

Девушка кивнула, принимая его укор с покорной грацией. Она знала, что за этими словами скрывается не просто ревность владельца, а инстинкт альфа-самца, требующего чистоты своей территории.

Кто мог знать, что за этой странной привычкой Варвары скрывалась куда более глубокая и опасная тайна? Возможно, Вадим лишь подозревал истинную причину, по которой она изредка позволяла себе носить вещи других девушек. Но по прошествии двух лет совместной жизни она должна была честно признать себе: ни один чужой запах, ни один чужой запах пота или духов не смог пробудить в ней отклик. Ее «волк», скрытый внутри, остался глух ко всему, кроме запаха Вадима. Возможно, ей просто повезло, и он никогда не обретет истинную пару, так как его инстинкты были полностью поглощены ею. Однако этот баланс становился все более хрупким. Наверное, пора прекратить ходить по лезвию бритвы, дразнить его инстинкты и играть в опасные игры.

Варвара аккуратно отложила вилку, звякнув ей о тарелку, и с присущей ей грацией вытерла уголки губ салфеткой. Она решила, что лучшим способом загладить свою «вину» перед мужем станет полное подчинение его желаниям. Девушка поднялась и, не спеша, плавной, кошачьей походкой подошла к нему. Вадим чуть отодвинулся в кресле, уступая пространство, позволяя Варе занять место себе на колени.

Так их тела оказались максимально приближены. Ее обнаженная грудь оказалась прямо перед его лицом, и мужчина не смог устоять перед искушением. Он резко захватил одну грудь губами, начиная посасывать и терзать сосок языком, изучая вкус и реакцию тела, которое ему принадлежало целиком. Варвара тихо вздохнула, а ее пальцы зарылись в густые волосы мужчины. Ей безумно нравилось то, как он выглядел сейчас: по бокам головы волосы были гладко выбриты, обнажая твердую линию черепа, а сверху они были зачесаны назад, открывая лоб и подчеркивая жесткие черты лица. Эта контрастная стрижка делала его визуально более брутальным, подчеркивая животную дикость, которая пряталась за маской цивилизованного человека и показывала истинную сущность зверя, готового в любой момент вырваться на свободу.

2

От прикосновения его алчного, жаждущего рта к её груди внизу живота Варю охватило предательское, тугое словно спираль желание, которое спиралями сжалось в животе. Она невольно поерзала на ставшем каменным, напряжённым от желания члене, чувствуя, как раздражение смешивается с нарастающим возбуждением. Досада на одежду, которая всё ещё разделяла их обнажённые тела, становилась всё более острой. Девушка ясно чувствовала, насколько мокрыми и тяжёлыми стали её трусики, прилипая к коже, и этот факт заставлял её краснеть даже в полумраке комнаты.

Её тело невольно, само по себе, реагировало на присутствие Вадима с пугающей скоростью, и Варвара прекрасно понимала причину этой мгновенной реакции. Это было не просто влечение, а биологическая неизбежность. Оборотни были живыми, ходячими афродизиаками, их природа была пропитана мощнейшим феромонным сигналом. Их слюна, наполненная особыми гормонами, и сперма обладали невероятным, почти магическим возбуждающим эффектом, который действовал на человеческий организм как наркотик. У обычных женщин просто не было шансов устоять перед этой первобытной силой; их разум отключался, уступая место чистому, животному инстинкту подчинения и желания.

– Прости, девочка, у меня назначена встреча на утро, – проговорил он хриплым голосом, в котором звучали лишь последние остатки самоконтроля. Он потянул зубами её сосок, оставляя на чувствительной плоти едва заметный след, а затем резко отпустил его, обжигая обнажённую кожу своим горячим, тяжелым дыханием.

– Вадим, пожалуйста… – выдохнула она, пытаясь ухватиться за его плечо, чувствуя, как мир вокруг сужается до точки их соприкосновения.

– Дела клана превыше всего, – отрезал он холодно, хотя в его глазах всё ещё плясали дикие, нечеловеческие искры.

С пугающей легкостью и силой, которую было трудно заметить в его обычном, спокойном облике, он поднял её и пересадил на ближайший свободный стул. Варя сжала губы, чувствуя, как во рту появляется металлический привкус обиды и несправедливости. Девушка была уверена: будь она его истинной парой, его кровной половиной, он никогда не смог бы так просто, так цинично устоять перед её желанием. Для клана он был лидером, но для неё он должен был быть мужем, а не холодным стратегом. И именно это осознание его дистанции, этой непреодолимой пропасти между их статусами, злило её больше всего, сжигая изнутри яростью, которую она никак не могла подавить.

Вадим медленно поднялся с места, его движения были плавными и уверенными, привычными для хищника, который никогда не торопится. Он поправил складки одежды в области паха, скрывая физические последствия их недавней близости, и лишь после этого наклонился к Варваре. Его губы коснулись её лба — легкий, почти невесомый поцелуй, который он надеялся станет символом примирения и смягчит возможное напряжение в воздухе.

Варвара часто ловила на себе этот специфический взгляд. Вадим относился к ней с той же нежной, но отстраненной заботой, с которой опытный мужчина относится к юной, еще не до конца сформировавшейся девице. Ему казалось, что она хрупка, что ей нужна защита и наставления, а не равноправное партнерство. Он по-прежнему не воспринимал её как полноценную женщину, способную на равных вести диалог или принимать серьезные решения.

Их возрастная разница действительно была колоссальной с точки зрения человеческого общества, но в мире оборотней это было лишь цифрой в паспорте, не имеющей никакого веса. Для их вида важнее был статус, сила и чистота крови. На вид Вадиму можно было дать от силы сорок лет — он выглядел крепким, опытным мужчиной в расцвете сил. Варваре же в этом году исполнилось всего двадцать два. Два года, проведенные рядом с вожак, изменили её не

только внутренне. В постели, где она полностью отдавалась его власти и страсти, она расцвела невероятной женственностью, обрела ту самую уверенность и грацию, которых ей не хватало ранее. Теперь она понимала, что её юность — это не слабость, а потенциал, который Вадим, возможно, еще не осознал в полной мере.

— Чем ты планируешь заняться сегодня? — спросил он, нарушив размышления Варвары своим ровным, бархатным голосом.

— Съезжу в пансионат к сестре, — ответила она, поднимаясь и поправляя волосы. — После родов мама так и не смогла её навестить. Слишком много дел, слишком много ответственности.

— Мария, так ее зовут? — уточнил Вадим, пытаясь вспомнить детали.

— Да, Мария. Ей остался всего месяц до выписки из пансиона, и я искренне не представляю, что мои родители будут делать дальше, — Варвара вздохнула, чувствуя нарастающую тревогу. — Они привыкли контролировать всё и всех, но эта ситуация выходит за рамки их привычного комфорта.

— Почему ты так говоришь? В чем проблема? — Вадим нахмурился, замечая искреннюю обеспокоенность девушки.

— Она слишком неподготовлена к жизни. Чиста и невинна, как белый лист, — Варвара посмотрела ему прямо в глаза. — Мой брат, будучи самцом, ищет развлечений и связей, но Мария... она не понимает, как работает этот мир. Она верит в сказки и доброту чужаков, что для оборотничьего клана может оказаться смертельно опасным заблуждением.

Вадим задумался, перебирая в уме возможные сценарии. Оборотни жили по строгим законам, где пара выбиралась не только сердцем, но и инстинктом, запахом, судьбой. Если Мария так уязвима, её нужно защитить.

— Нужно будет устроить праздник у нас дома, — произнес он решительно, и в его голосе зазвучала властная нотка вожака. — Соберем всех своих самцов. Пусть все они познакомятся с ней, посмотрят на нее без прикрас. Возможно, кто-то из них унюхает в ней свою пару, почувствует ту самую связь. У цветка должен появиться свой защитник, и пусть этим защитником станет один из нас.

Варя молча кивнула, жест был коротким, отточенным и лишенным лишних эмоций. Она принимала каждое произнесенное Вадимом слово как непреложную истину, не пытаясь проанализировать их глубже или найти в них скрытый подтекст. В её взгляде не проскользнуло и тени сомнения — она слишком хорошо знала правила игры, в которой была вынуждена существовать. Варя прекрасно понимала природу их взаимодействия: это был не диалог равных партнеров, а строгая система команд и подчинения. Вадим никогда не интересовался её мнением, не предлагал вариантов на выбор и уж тем более не искал компромиссов. Он отдавал прямые, лаконичные указания к действию, и эти инструкции требовали немедленного, автоматического и беспрекословного исполнения.

Слова вожака всегда необходимо воспринимать с максимальной, почти религиозной серьезностью. В их мире авторитет лидера был не просто уважительным фактором, а непререкаемым законом, аналогом физических законов природы, которые нельзя оспорить или обойти. По-другому и быть не могло: иерархия в их сообществе была выстроена с архитектурной жесткостью, где каждый занимал свое отведенное место, а ступени вверх были доступны лишь самым преданным и полезным. Последствия любого намёка на неповиновение или сомнение были слишком очевидными и пугающими для тех, кто помнил цену ошибки. Быть исключенным из системы означало не просто потерю статуса — это означало исчезновение.

— Я все подготовлю, — четко и отчетливо произнесла Варя, её голос звучал ровно, без единой дрожи, подтверждая свою полную готовность выполнить приказ. В её интонации не

было ни страха, ни энтузиазма, только холодная эффективность человека, привыкшего к своим обязанностям.

Вадим лишь бросил на неё короткий, оценивающий взгляд, словно проверяя, насколько глубоко слово успело проникнуть в её сознание. Затем он добавил новое условие, произнеся его так casually, будто речь шла о чем-то обыденном:

— И выдели ей комнату у нас.

Это прозвучало не как просьба, а как финальная точка в текущем обсуждении. Тон Вадима содержал едва уловимый вызов или, возможно, он просто проверял реакцию подчиненной на внезапное изменение расстановки сил.

— Зачем? — с явным, граничащим с паникой, подозрением поинтересовалась Варя. Вопрос сорвался с языка раньше, чем она успела себя остановить.

Внутри неё мгновенно нарастал холодок, ползущий от самого основания позвоночника. Сердце замерло в груди, сжимаясь в тугой, болезненный комок от внезапной, необъяснимой тревоги. Дыхание стало прерывистым, поверхностным, будто воздух внезапно стал слишком густым для её легких. Неужели Вадим всерьез намерен присмотреться к другой девушке из их семьи? Эта мысль казалась абсурдной, противоречащей всем известным им правилам, и в то же время пугающе реалистичной. В их клане отношения строились на тотальном, почти параноидальном контроле, где каждый шаг был просчитан, а каждый союз заключен с целью укрепления власти. Появление нового объекта интереса со стороны лидера могло означать лишь одно: неизбежный пересмотр баланса сил, смену приоритетов или подготовку к сложному плану на будущее, в котором Варя могла потерять свою текущую позицию.

Вадим заметил её реакцию и, словно читая её мысли по бледнеющему лицу, спокойно продолжил, расставляя логические акценты:

— Она же твоя сестра.

Он произнес это с легким оттенком укоризны, будто Варя забыла о базовых семейных связях, которые в их мире тоже служили инструментом управления.

— Тем более все внимание родителей сейчас сосредоточено на мелкой. — Вадим сделал паузу, позволяя весу этих слов осесть в сознании Вари. — Родители одержаны её судьбой, её безопасностью, её будущим. Они не замечают других, не анализируют обстановку вокруг. Думаю, так будет лучше.

Он перевел взгляд в окно, где уже начинало темнеть, и добавил финальную, безжалостно логичную часть своего решения:

— А там, глядишь, поскорее выдадим ее замуж. Отправим подальше, чтобы освободить место и внимание. Нам нужен простор, Варя. И ты это знаешь.

Варя позволила себе легкую, искреннюю улыбку, пропуская слова мужчины сквозь сознание без малейшей тени подозрения. В ее голосе не звучало ни сарказма, ни скрытого вызова — лишь чистое доверие, подкрепленное многолетним опытом. Вадим действительно был тем редким лидером, чья сила не требовала демонстрации. Он заботился о своих с фанатичной преданностью, будь то верные оборотни, готовые отдать жизнь ради него, или обычные люди, оказавшиеся в его орбите. Такого вождя уважали до глубины души: его мудрость и справедливость были эталоном для всех, кто имел честь служить ему. Враги же, напротив, испытывали перед ним первобытный страх; даже одно упоминание имени Вадима заставляло их дрожать от предчувствия неминуемой гибели.

— Хорошо, дорогой, — тихо ответила она, глядя ему прямо в глаза.

Она бережно прикоснулась губами к его ладони, чувствуя под кожей твердость и силу, а затем с явным, хотя и сдержанным, сожалением убрала руку. Этот жест был знаком завершения важного разговора, но не их близости.

Варваре, по правде говоря, было совершенно не на что жаловаться. Ее текущий статус «временной жены» — формальный, но реальный — открывал перед ней двери, недоступные

обычным смертным, и давал больше привилегий, чем многие легальные браки в человеческом мире. Вадим окружил ее заботой, достойной королевы. Он холил и лелеял ее, окружая вниманием, которое порой могло показаться чрезмерным. Подарки следовали один за другим: редкие украшения, книги первой редакции, экзотические деликатесы — все, что могло вызвать интерес или радость в ее глазах.

Но главное было не в вещах. Вадим умел дарить эмоции. В моменты страсти он терял всякую сдержанность, превращаясь в дикого зверя, чье желание было настолько мощным, что казалось способным сжечь мир вокруг них. И при этом он был идеальным слушателем. Варя могла говорить часами, рассказывать о своих страхах, мечтах или просто о повседневных мелочах, и он слушал, не перебивая, впитывая каждое слово с серьезностью, которая заставляла чувствовать себя услышанной и понятой.

Он относился к ней не как к наложнице или временному увлечению, а практически как к истинной, равноправной паре. Он защищал ее интересы, интегрировал в свой круг и демонстрировал общественную преданность. И в этой системе координат царапина на плече, полученная в недавней стычке, казалась ничтожной, почти незначительной деталью. Кто вообще обратит внимание на такую мелочь, когда рядом есть мужчина, который ставит твою безопасность и счастье выше собственных амбиций и правил? Царапина быстро затянется, а чувство собственной ценности, которое дарила ей эта связь, останется надолго.

3

Пансионат, скрытый от посторонних глаз среди вековых сосен и туманных долин, находился в двух часах езды от шумного, суетливого города Луговец. Именно здесь, в самом сердце этого города, обосновался могущественный клан Вадима, чье влияние простиралось далеко за пределы местных границ. Дорога к месту назначения обещала быть непростой, но автомобиль высшего класса, безупречный и мощный, превратил поездку в плавное скольжение по асфальту, подарив Варваре исключительный комфорт и изоляцию от внешнего мира. Мягкий шум двигателя и аромат дорогой кожи салона лишь отчасти помогали успокоить трепещущее сердце.

Варвара не могла избавиться от нарастающего внутреннего напряжения. Эта поездка была наполнена особым, почти мистическим смыслом: впервые за долгое, изматывающее время она собиралась увидеть свою сестру. Машу, которую Варя на протяжении многих лет тайно и яро завидовала. В детстве эта зависть казалась оправданной, хотя и неосознанной. Но теперь, оглядываясь на пройденный путь, Варвара с горечью понимала, что поводов для нее больше не осталось. Жизнь развела их по разным берегам, и та розовая дымка соперничества рассеялась, оставив после себя лишь пустоту и странное облегчение.

Пришло время, наконец, примириться с той самой малышкой, которую Варя долгие годы считала главной причиной своих страданий. Раньше, в своих юношеских грехах, она винила Машу в том, что та «испортила» ей детство, забрав внимание и любовь родителей. Однако с возрастом и полученным опытом пришла осознанная истина: Маша не была виновата в предвзятом, холодном отношении семьи. Ребенок лишь стал инструментом в руках взрослых, зеркалом, в котором отразились их собственные амбиции и пороки.

Вся трагедия их детства коренилась в одной единственной причине — в той самой чертовой ведьме, чье влияние на отца было губительным, и в жестокой нищете, которая держала семью в постоянном страхе и зависимости. Именно бедность помешала отцу увидеть в старшей дочери личность, заставив его сойти с ума от идеи, что младшая, Маша, станет их спасением и ключом к богатству. Он помешался на мифе о том, что благодаря таланту или удаче младшей дочери их клан возвысится.

Сейчас, стоя на пороге новой главы своей жизни, Варваре казалось смешным и ироничным то обстоятельство, что именно она, а не Маша, обрела свободу и ресурсы. Теперь Варя могла позволить себе все, что только пожелает: роскошь, путешествия, статус. Однако был один предмет, который оставался недоступным для нее, каким бы богатым ни был ее кошелек. Ребенка у нее не было. И хотя эта мысль причиняла острую боль, она понимала, что была еще слишком молода, чтобы брать на себя ответственность за новую жизнь. Ее время для материнства еще не пришло, и, возможно, никогда не придет в том виде, который она когда-то себе представляла.

Однажды Варя случайно стала свидетельницей откровенного разговора, который происходил за закрытой дверью, но ее интуиция подсказала ей прислушаться. Голоса Вадима и его друга, главы соседнего клана, были напряженными и полными тяжелого упрека. Собеседник жестоко критиковал своего вожака за то, что тот, подобно тирану, лишает свою любовницу естественного права стать матерью. По законам оборотней, репродуктивная функция женщины в их мире подчинялась не личному желанию, а строгим расчетам клана: существует высокая вероятность того, что именно она может выносить и родить потомство для идеальной пары высокопоставленных оборотней, чей союз считался бы стратегически важным для укрепления родства и власти. Эти холодные, расчетливые слова любовника, произнесенные с уверенностью человека, обсуждающего перемещение ценного имущества, глубоко ранили Варю, заставив ее почувствовать себя не человеком, а ресурсом.

«В двадцать пять лет я отдам ее человеческому мужчине, чтобы она забеременела, и, если родится девочка, воспитаю ее, как свою дочь», — произнес Вадим, и в его голосе не дрогнула ни одна нота.

Эта фраза заставила Варю задуматься о самой сути их мира. Все, что по-настоящему волновало этих существ, было сосредоточено вокруг поиска и сохранения своих «чертовых пар» — тех самых единственных, с которыми их связывала магическая и биологическая неразрывность. К остальным же, к тем, кто не был найденной половиной, они относились с пугающей душевной равнодушностью. Возникал вопрос: способны ли они вообще на искреннюю, чистую любовь, или же их чувства — это лишь сложная форма выживания и доминирования? Однако Вадим постоянно проявлял заботу о Варье: дарил подарки, защищал от опасностей, уделял время. Неужели эта близость была лишь прелюдией к тому, чтобы он так легко и бесцеремонно передал ее в руки чужака? Ради чего? Ради сохранения чистоты крови, ради селекции, ради выполнения долга перед кланом?

От этих мыслей у Вари на душе поднимался тяжелый, тошнотворный ком. Она понимала, что у нее осталось всего три года, прежде чем срок ее «молодости» истечет и неизбежность станет явью. У нее был лишь один шанс избежать уготованной ей судьбы утилитарного объекта. Первый путь — стать парой волку, найти своего единственного, но это было вне ее контроля, зависело от воли судьбы и древней магии. Второй, более осознанный и трудный путь — заслужить редкий и почетный статус «свободной». Этот титул давал бы ей автономию, право выбора и все социальные привилегии, положенные независимым членам общества. Именно к этому варианту Варя склонялась больше всего, хотя цена его была непомерно высока.

Это означало одно: уйти от Вадима. Забыть его. Вырвать из собственного сердца боль и привязанность, которые он посеял, и с чистой совестью отдать себя другому, возможно, даже без любви, но ради свободы. Это звучало жестоко, невыносимо больно и несправедливо по отношению к самому Вадиму, но Варя понимала горькую истину: она — лишь деталь в огромной машине их общества, поставленная в жесткие рамки традиций и обычаев, которые не терпят возражений. Она была бессильна что-либо изменить, кроме своего собственного выбора, и этот выбор требовал от нее стального хладнокровия и готовности к внутренней смерти ради возможности жить по-настоящему.

4

Варвара сидела на старой каменной лавочке, утопающей в зарослях сирени и плюща, и терпеливо ожидала сестру. Садовый воздух был густым, напоенным сладковатым ароматом увядающих лепестков и влажной земли после утреннего дождя. Тишину нарушал лишь тихий шелест листвы и далекий звон колокольчика на шее какой-то бродячей кошки. Вдруг сквозь арку, увитую диким виноградом, пробился яркий солнечный луч, и Варвара застыла, завороженная зрелищем: сквозь тень сада блеснули золотистые локоны, похожие на расплавленное солнце. Девушка невольно залюбовалась их сиянием, тем более что в тени сада они казались еще более ослепительными, почти мистическими. Но, в отличие от ее собственных волос, окрашенных искусственно, волосы сестры обладали своим собственным, природным цветом. Они были девственными, не тронутыми красками, как и сама Маша, чья жизнь, казалось, текла по руслу, заданному самой природой и обществом без малейших отклонений.

Варвара тяжело вздохнула, чувствуя, как внутри нарастает знакомое, горькое чувство несправедливости. Она силой прогнала рвущееся наружу раздражение, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони. Лишь затем, тщательно подобрав мускулы лица, она надела на губы маску безупречной, приветливой улыбки — ту самую, что давно стала ее второй кожей.

– Варя! – радостно, почти звонко крикнула Маша, подбегая к сестре с раскрасневшимися от волнения щеками и сияющими глазами.

Прежде чем Варвара успела даже шевельнуться, чтобы ответить на приветствие, Маша уже обняла ее, вжимая в свои мягкие, пахнущие дорогим парфюмом одежды. Это было неожиданное и слишком тесное для Варвары объятие, от которого у нее перехватило дыхание.

– Как папа? – спросила Маша, не отпуская сестру, но уже глядя на нее с тем самым детским любопытством, которое было ее отличительной чертой. – А мама? Как наша маленькая сестричка? Она, наверное, прекрасна? Да? В ней точно есть наши глаза?

Такая непосредственность, эта искренняя, не знающая прикрас радость по поводу рождения нового члена семьи мгновенно растопили лед внутри Варвары. Все колючие мысли о собственном одиночестве и вынужденной роли «временной» супруги отступили, уступая место теплой волне сестринской любви. И Варвара улыбнулась Маше по-настоящему, впервые за многие дни почувствовав себя частью чего-то большего, чем просто рядовая светская дама.

– Ты такая красивая! – воскликнула Маша, внимательно разглядывая сестру, отмечая идеальность ее прически и безупречность наряда. – Настоящая леди! Это все твой муж? Он так хорошо о тебе заботится?

– Мой временный муж, – тихо, но твердо поправила Варя. Она никогда не забывала уточнять этот статус, словно боялась, что сама, в порыве эмоций или усталости, забудет о хрупкости своего положения и позволит себе мечтать о большем, чем отведено по договору.

– Ах, да, конечно. Прости меня, – искренне расстроилась Маша, скривив губы. – Как жаль, что ты не его пара. Вы так хорошо смотритесь вместе. Жаль, что это лишь на время.

Сердце Варвары сжалось от этих простых, казалось бы, дружеских слов, словно кто-то с силой сжал кулак внутри груди. Боль была острой и неожиданной, но девушка мгновенно подавила ее. Она знала, что права. Все правильно. Она не его пара. Никогда не была и, скорее всего, никогда не будет. И эта осознанная истина, горькая как полынь, снова стала фундаментом, на котором она держалась, чтобы не рухнуть в бездну отчаяния.

— Давай по порядку, дорогая, — Варя мягко кивнула головой в сторону старой деревянной лавочки, стоящей под сенью вековых дубов, приглашая Машу присесть. Голос её звучал спокойно, но в нём угадывалась та самая сталь, которая делала её лидером среди равных. — Папа радуется малышке, как и мама. Ты же знаешь, какой у него характер, когда речь заходит о семье. Настя с первых дней жизни оказалась повязана узами судьбы с бетой нашей стаи, и

тот теперь ходит за ней по пятам, пылинки сдувает со своей принцессы. Для него это не просто брак по расчету или традиции — это вопрос чести и выживания рода.

— Это так странно... — Маша тяжело вздохнула, опустив взгляд на свои руки, которые нервно перебирали край шарфа. — Смотреть, как растет твоя суженая, видеть, как он смотрит на неё... это вызывает смешанные чувства. С одной стороны, красота и сила, с другой — какое-то необратимое роковое предопределение, от которого невозможно убежать.

— Таков их мир, Машенька, — Варя кивнула, принимая задумчивую позу. — Для оборотней это не просто привычное дело, это основа их быта, закон, написанный кровью предков веками назад. Иерархия, защита, продолжение рода — всё это скрепляется именно такими связями. Здесь нет места случайностям или личным капризам.

— Ты права, как всегда, но все же... — Маша не могла отделаться от ощущения внутренней пустоты и зависти к той простой человеческой свободе, которой они были лишены. — Зато она будет расти в достатке, в роскоши, знать, что её будущее уже устроено и защищено от любых бурь. Её не будут волновать вопросы аренды, счетов за коммуналку или поиска работы. А не так, как мы с тобой. Нам приходится бороться за каждый шаг, за каждый кусок хлеба, оставаясь в тени их величия.

Маша быстро подалась вперед, её движения были порывистыми и полными отчаяния. Она положила ладонь на руку сестры, чувствуя под пальцами тепло родной кожи, и её глаза увлажнились.

— Прости меня, Варя, пожалуйста. Я так часто жаловалась, так часто критиковала ваше положение, не понимая цены этого выбора. Я умоляла отца не тратить столько денег на этот огромный, холодный дом, на эти приданые и обеспеченность. Я просила его позволить нам ходить в обычную школу, рядом с обычными детьми, без охраны и тайн. Тогда бы вам обоим жилось легче, вы бы были просто Варей и Настей, а не фигурами в чьей-то большой игре.

– Это не твоя вина, – с трудом выдавила Варя, чувствуя, как ком застревает в горле. Её голос дрожал, но в нем звучала твердая решимость. Она аккуратно, почти бережно накрыла ладонь сестры своей собственной, передавая тепло и поддержку. В этот момент ей стало ясно: после такого разговора никто не посмеет упрекнуть её в том, что она плохая сестра или оставила Машу на произвол судьбы. Наоборот, глядя на испуганные глаза близкой родственницы, Варя поняла, что наконец-то повзрослела. Она больше не была той наивной девочкой, которая пряталась за спиной старших, ожидая спасения. Теперь она стала опорой.

– Давай не будем вспоминать о плохих временах, – мягко продолжила Варя, сжимая руку сестры чуть крепче. – Главное, что сейчас всё хорошо. Через месяц ты выпускаешься из пансионата, и я, честно говоря, боюсь даже думать, как ты встретишь внешний мир. Там всё иначе, чем здесь, в этих стенах.

– Не волнуйся, сестричка, – улыбнулась Маша, хотя в её улыбке сквозила усталость. – Если ты думаешь, что нас тут холили, как оранжерейные цветы, оберегая от любого ветерка, то глубоко ошибаешься. Здесь нам не пели дифирамбы. Нам рассказывали всю суровую правду нашего общества, без прикрас и романтизации. Даже знакомили с оборотнями, чтобы мы понимали, с кем имеем дело. Скажу больше, в некоторых девушек те учуяли свою пару еще до выпуска. Для них это был самый быстрый путь к статусу и защите.

– Да ты что! – Варя широко распахнула глаза, забывая о серьезности тона. – А отец всегда говорил, что пансионат строго ограждает нас от встречи с мужчинами до совершеннолетия. Он утверждал, что это нужно для нашей безопасности и чистоты помыслов.

– Ограждает, – согласилась Маша, кивая. – Но только до того времени, как у девочки начнутся месячные. С этого момента биологические часы тикают иначе. После первого цикла мы считаемся юными девушками, полностью готовыми к союзу с оборотнем. Природа и общество требуют от нас выбора, и время на раздумья ограничено.

Варя задумчиво опустила взгляд на переплетенные пальцы. В голове пронеслись мысли о социальных лифтах и выживании в мире, где сила решает всё.

– Еще один шанс хорошо устроиться в жизни, – задумчиво проговорила она, взвешивая каждое слово. – Не зря они берут такие огромные деньги за обучение и содержание. Это не просто образование, это инвестиция в будущее, страховка от одиночества и бедности.

– Да, но мне, похоже, не повезло, – вздохнула Маша, и её голос стал тише. – Я не встретила здесь свою пару. Тот самый искрометный взгляд, который должен был заставить сердце биться чаще, так и не появился. Зато есть одно предложение о статусе «временной жены». Это не брак по любви, скорее сделка, но… Скажу даже, что кавалер настойчив и требует ответа. Он не привык ждать.

– Неужели? – Варя от удивления повернулась к сестре всем телом, забыв о позах. Её глаза расширились от шока. – Он приезжает? Лично?

– Нет, пока только пишет. Письма приходят регулярно, и каждое содержит ультиматум или предложение, от которого сложно отказаться.

– А ты? – Варя резко перевела взгляд обратно, изучая лицо сестры. – Влюблена? Есть хоть капля чувств к этому человеку?

Маша колебалась, выбирая слова.

– Я его побаиваюсь. Сильный оборотень. Высокий ранг, мощная аура. Когда он рядом, хочется подчиниться, а не спорить. Но страха больше, чем симпатии. Всё же, если нет лучшей партии, если не найти того самого, единственного, то соглашусь. Это лучший вариант из доступных. Защита, статус, дом.

Варя резко отдернула свою руку, словно обожглась, и покачала головой, её лицо исказилось выражением решительного несогласия.

– Не вздумай! – её голос прозвучал жестко и непререкаемо. – Во-первых, ты теперь под покровительством Вадима. А значит, этот оборотень должен соблюсти все условности и обратиться непосредственно к нашему вожаку, а не пытаться договориться с тобой втихаря. Нарушение этикета будет воспринято как вызов.

Варя выпрямилась, её взгляд стал стальным.

– Но сначала, я уверена, мой муж покажет тебя всей стае. Пусть все увидят, кто ты, какова твоя кровь и твоя ценность. И только после этого, если это действительно будет лучшим вариантом для тебя, а не просто способом избавиться от лишней головной боли, Вадим позволит тебе принять приглашение. Но ни в коем случае не раньше. Ты не товар, который можно продать первому желающему. Ты – часть нашей семьи, и мы будем защищать твой интерес.

5

Маша внимательно слушала сестру, кивая в знак согласия и принимая ее наставления как бесценный дар. В ее взгляде читалась глубокая признательность за ту заботу и мудрость, которыми Варя делилась с ней в этот непростой период.

– У тебя пока есть целый месяц отсрочки, – мягко, но твердо произнесла Варя, стараясь придать своему голосу успокаивающие интонации. – Используй это время с пользой для души. Проведи его в кругу близких подруг, наслаждайся каждым мгновением, не позволяй тревогам и думам о будущем омрачать настоящее. Не думай ни о чем тяжелом, просто живи. Я позабочусь о тебе, обо всем, что требует решения. Доверься мне.

– Спасибо тебе, сестричка, – тихо ответила Маша, чувствуя, как с плеч спадает груз одиночества и ответственности. Ее голос дрогнул от эмоций, но она сдержала слезы, понимая важность момента.

– Мне уже пора ехать, – напомнила Варя, бросив взгляд на часы. – Путь неблизкий, и дорога займет немало времени. Вот, возьми эту корзину – там разные сладости, они скрасят твои дни, а в этом пакете вещи, которые могут пригодиться. Береги себя.

Они поднялись с деревянной лавочки, где так долго сидели, обсуждая важные дела, и медленно направились к высоким аркам, ведущим к выходу. Маша шла рядом, внимательно следя за каждым шагом сестры, словно пытаясь мысленно продлить эти драгоценные минуты общения с самым близким человеком на свете. Воздух был наполнен легким грустным благоговением, и каждая секунда казалась на вес золота.

Вдруг, словно из ниоткуда, из-за поворота арки выскочила компания веселящихся девушек, которые явно не замечали окружающих и были поглощены собственным смехом и азартом игры. В их стремительном движении не было места осторожности. Неожиданно одна из них, не заметив Варвару, резко врезалась в нее со всей силы.

Палитра с красками, которую ученица бережно держала в руках, выскользнула из пальцев и с глухим стуком ударилась о грудь Варвары. Яркие пятна краски мгновенно прилипли к нежной персиковой ткани блузки, оставляя неприглядные, разноцветные разводы, которые портили безупречный вид одежды.

– Аккуратней! – воскликнула Варя, глядя на свое безобразие с легкой досадой, но без злобы. Она посмотрела на испачканную одежду, понимая, что выглядеть таким образом на публике было бы неловко.

Девушка, виновница столкновения, побледнела и покраснела одновременно от стыда и страха.

– Простите меня, госпожа! – растерянно заговорила она, опустив глаза в пол. – Я не заметила вас, пожалуйста, не сердитесь.

– Варь, не расстраивайся из-за ерунды, – спокойно произнесла Маша, подходя ближе. – Давай ты оденешь одну из моих блуз, пока мы не вернулись домой. Так будет проще и удобнее.

Девушка вздохнула, соглашаясь с предложением сестры. Действительно, ехать домой такой испачканной было бы глупо и неудобно. Они прошли в комнату Маши, которая была уютной и светлой. Девушка подошла к шкафу, открыла его и достала свою любимую шифоновую блузу. Она смотрела на нее с небольшим смущением, как бы извиняясь за предложенное решение.

– Она из последней посылки, хорошего качества, – начала она объяснять, перебирая ткань пальцами. – Я одела ее лишь дважды, правда, постирать не успела, но носила аккуратно, поэтому она совсем чистая и свежая. Надеюсь, она тебе подойдет.

– Хорошо, не страшно, – улыбнулась Варя, принимая одежду. – Спасибо, Машуль. Ты всегда знаешь, как поддержать.

– Давно ты меня так не называла, – выдохнула блондинка, и в ее глазах мелькнула искра старой, теплой дружбы. – Мне тоже не хватало этого слова.

– Давно мы с тобой так хорошо не общались, – согласилась Варя, и в ее голосе прозвучала искренняя ностальгия. – Но теперь, кажется, все встало на свои места.

Обняв сестру крепко-крепко на прощание, передавая ей часть своего тепла и поддержки, Варя направилась к автомобилю. На лице девушки сияла широкая, искренняя улыбка, освещающая все ее лицо. Словно, наконец, она примирилась с собой, приняла свои ошибки и недостатки, и отпустила то, что давно ее тяготило и мешало дышать полной грудью. Она пообещала себе, что обязательно поможет устроить жизнь сестры так, как та того заслуживает, и, возможно, именно через эту заботу о другом, она сама станет чуточку счастливее и спокойнее.

***

Варвара вернулась домой уже тогда, когда последние лучи заходящего солнца погасли в горизонте, уступив место густым, бархатным сумеркам. Городские огни только начинали пробиваться сквозь вечерний туман, создавая размытые, мечтательные пятна света на мокром асфальте. Однако единственным источником, который действительно имел значение для нее в этот момент, был теплый, желтоватый свет, пробивающийся из окна кабинета на втором этаже. Этот свет был маяком, сигналом, который говорил громче любых слов: Вадим уже дома и ожидает ее.

Девушка внутренне вздохнула, чувствуя привычный укол вины. Она никогда не любила опаздывать — пунктуальность была для нее не просто привычкой, а способом контролировать хаос внешнего мира. Но сегодня обстоятельства оказались сильнее ее расписания. Дорожная авария, случившаяся в нескольких километрах от дома, парализовала движение на целых два часа. Здесь не было ни чьей вины, ни нарушения правил, только жестокий, слепой случай, сводивший в могилу или отправляющий в больницу без разницы. Поэтому, стоя у входной двери и поправляя прическу, Варвара приняла на себя маску, отточенную до совершенства: вид, полный искреннего раскаянья и готовности искупить свою «вину». Она знала, что муж будет встречать ее, и эта мысль заставляла сердце биться чуть быстрее.

Дверь открылась бесшумно, но воздух в прихожей уже был густым, пропитанным тяжелым, предвещающим бурю спокойствием.

– Задержалась? – прозвучало его низкое, бархатистое голосом, в котором слышалась сталь.

Вадим стоял в дверном проеме кабинета, его силуэт вырисовывался на фоне яркого света лампы, создавая внушительную, почти подавляющую фигуру. Плечи были напряжены, поза — абсолютно неподвижна, словно скала, против которой разбиваются волны. Варвара не стала извиняться или искать оправдания. Вместо этого она позволила себе расслабиться, позволяя телу вести ее. Ей удалось придать походке ту самую плавную, волнующую грацию, которая сводила мужчину с ума, превращая каждый шаг в медленное, соблазнительное приближение к цели.

– Один олень догнал на дороге другого, – произнесла она тихо, с легкой, едва заметной улыбкой, намекая на происшествие без лишних деталей. – Сейчас я приму душ и спущусь к тебе.

Она уже сделала шаг в сторону лестницы, намереваясь выполнить свое обещание и привести себя в порядок, как вдруг воздух вокруг словно сгустился.

– Замри! – это слово сорвалось с его губ не как приказ, а как рык хищника, которому прервали охоту.

Варвара замерла на месте. Она увидела, как крылья его носа затрепетали, улавливая малейшие изменения в атмосфере, а глаза, обычно спокойные и темные, подозрительно сузились, превратившись в узкие щели. В них читалась не просто злость, а первобытное, животное нетерпение.

– Подойди ко мне!

Варвара внутренне кивнула про себя. Она безошибочно считала его состояние: муж пребывал в мрачном, бурном настроении. Скорее всего, его встреча с партнерами или деловые переговоры прошли не так гладко, как он планировал. Вадим был человеком действия, и чаще всего он любил «спускать пар» именно через интимную близость. Это был их секретный язык примирения и снятия напряжения. Поэтому догадаться о том, зачем он ее зовет, не составляло никакого труда.

Ее тело, предательски верное инстинктам, моментально отозвалось на его голос: кровь прилила к щекам, а между ног разлилось теплое, тягучее чувство возбуждения. Но рациональность, привычка к самоконтролю, заставила девушку на секунду колебаться.

– Я только в душ… – тихо пробормотала она, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Но терпение оборотчика было исчерпано.

– Быстро!!! – такой яростный, хриплый приказ не оставлял места для дискуссий. Варвара не могла, да и не хотела ему сопротивляться.

Она сделала лишь один неуверенный шаг, успев пройти только половину пути по коридору, как Вадим преодолел расстояние между ними мгновенно. Для человека это было невозможно, но для существа с его силой это заняло долю секунды. Он подлетел к ней, словно тень, и мощной рукой сжал ее плечи, резко дергая на себя. Варвара вскрикнула, теряя равновесие, но этот крик был скорее от удивления, чем от боли.

Лицо мужчины опустилось к ее шее, и она почувствовала, как он с силой втянул в себя витающий вокруг нее пьянящий аромат. Это был ее естественный запах, смешанный с духами, который для него стал наркотиком, пробуждающим древние инстинкты. Ее животом она отчетливо ощутила твердость намерений мужа, его готовность взять и обладать, и в предвкушении этого он тяжело сглотнула, чувствуя, как дыхание сбивается.

Ее тело начало реагировать на скрытые звериные феромоны, которые испускал Вадим в моменты сильного возбуждения. Внизу живота поднимался ответный жар, расплавляя последние остатки сопротивления. Вадим прошелся горячим, влажным языком по ее лебединой шейке, оставляя следы, которые должны были стать его меткой. Затем его пальцы, сильные и грубые, стиснули длинные волосы в плотный кулак, аккуратно, но неотвратимо оттягивая ее голову назад, открывая горло для поцелуев или укусов. Он возвышался над ней, загораживая собой весь мир, но Варвара не испытывала страха. В этом господстве, в этой грубой силе, направленной исключительно на нее, она чувствовала лишь безумное, опьяняющее желание подчиниться.

6

Мужской рот накрыл её мягкие, нежные уста в яростном, полном первобытной, дикой похоти поцелуе, лишенном всякой сдержанности и условностей. Он сминал её губы своими, властно и безапелляционно, издавая из глубины горла глухое, угрожающее порыкивание, которое резонировало прямо в её груди. Желание, черное и тяжелое, накрыло оборотня с головой, затмив разум, отложив в сторону всякие мысли о приличиях и осторожности. Ощущая неконтролируемую потребность обладать ею здесь и сейчас, одним мощным, бесцеремонным движением он оторвал её от пола, поднимая как пустую легкую вещь. Нивер интуитивно, не раздумывая ни секунды, обвила его крепкий торс ногами, цепко впиваясь пальцами ног в ткань его брюк, стремясь сблизиться максимально плотно. Юбка, покорная их страсти, тут же сбилась на талии, открывая соблазнительные, изящные икры, которые теперь дрожали от напряжения и возбуждения.

Вместе со своей ношей, которую он нес, словно трофей, Вадим направился в кабинет, при этом не прекращая терзать сладкий ротик своей жены. Его рука, грубая и нетерпеливая, спихнула со стола стопки бумаг, заставив их рассыпаться по полу, а саму Варвару он с силой усадил на край массивного письменного стола. Девушка что-то растерянно промычала, пытаясь вернуть себя в реальность, но её смутные слова тут же утонули в новой, еще более страстной атаке горячих, жадных губ. Язык Вадима властно орудовал у неё во рту, проникая глубже, сплетаясь с её тонким девичьим язычком в безумной, захватывающей борьбе за доминирование и полное слияние. Его пальцы, дрожащие от напряжения, нащупали край ткани трусиков у самого бедра и резко потянули вниз, с громким звуком разрывая тонкую, хрупкую преграду, которая еще мгновение назад отделяла их друг от друга.

Варя судорожно дернулась, когда их плотные тела вновь впились друг в друга, но хватило лишь мгновения, чтобы кожа вновь ощутила свободу и холодный воздух кабинета. Её половые губки раздвинулись от нарастающего возбуждения, набухшие и чувствительные, а клитор пульсировал от невыносимой жажды познать мужское прикосновение, требуя облегчения. Девушка невольно потерлась своей обильной влажностью о твердый, напряженный орган сквозь ткань брюк, оставляя на ней темный, мокрые следы, свидетельствующие о её безумном желании.

Вадим рыкнул, звук вырвался из него сам собой, и на мгновение оторвался от её истерзанных, припухших губ. Его рот, горячий и влажный, поцелуями прокладывал себе дорогу вниз, по чувствительной шее, к ключицам, пока лицо не зарылось в V-образный вырез её блузки. Тогда одной рукой он расстегнул молнию на своих брюках и освободил свой орган, тяжелый и горячий. Головкой он провел по влажной щели, смазывая её женскими соками, которые уже пропитали нижнее белье, пока полностью не покрыл себя ими, готовясь к вторжению.

— Пожалуйста, Вадим, пожалуйста… — отчаянно, почти молящим тоном взмолилась Варвара, ощущая, как обжигающее возбуждение разливается по всем конечностям, делая её слабой и беспомощной.

Пустота внутри терзала её, убивая изнутри. Мышцы тазового дна сжимались в спазмах от острой потребности заполнить эту пустоту, от нужды почувствовать его внутри себя. Но оборотень отозвался лишь нечленораздельным, низким звуком, похожим на ворчание хищника. Он снова втянул в себя медовый, сладкий аромат её тела, который тонкой нитью примешивался к запаху её кожи, словно был неотделим от неё самой, но в то же время инстинкт подсказывал ему, что этот запах принадлежал другой, чужой части его души. Тонкие, пьянящие нотки этого запаха заполнили его легкие, испепеляя остатки рациональной части сознания и высвобождая его внутреннего зверя, который требовал только одного — полного поглощения.

И все же, несмотря на пылающее в жилах пламя и дикую тягу, Вадим с холодным, аналитическим спокойствием осознавал истину, которую не мог игнорировать: трансформация

была невозможна. Варвара, прекрасная и желанная, просто не подходила ему по своей сути. Ее физическая оболочка, хрупкая и человеческая, оказалась неспособной вместить в себя то, что было уготовано судьбой для его истинной пары — для женщины, чья природа совпадала с его собственной. Осознание этого факта стало последним аккордом, собравшим разрозненные осколки его воли в единый кулак. Он заглушил голос инстинкта, который кричал о необходимости принять свою звериную форму, и, собрав последние остатки самоконтроля, резко и безапелляционно толкнулся в горячее, тесное лоно жены.

— Ауу! — выгнув спину дугой, пронзительно закричала девушка. Ее голос сорвался на визг, смешанный с криком наслаждения.

Ее пальцы, бледные от напряжения, впились в деревянный край стола, оставляя на лаке следы, готовые разорвать древесину. Голова Варвары откинулась назад, обнажая изящную линию шеи, а глаза, расширенные от переполняющих чувств, лихорадочно блеснули. В их глубине зажглись и погасли тысячи звезд, отражая чистый, неконтролируемый экстаз. Никогда ранее он не казался ей настолько огромным, настолько чужим и одновременно родным. Казалось, что за долгие годы они уже познали все грани их интимной близости, изучили друг друга до мелочей, но сейчас все ощущалось совершенно иначе. Это была не просто любовь, а первобытное поглощение. Он невероятно растягивал ее внутренний канал, каждый миллиметр проникновения добавлял удовольствию горьковатую примесь острой, звенящей боли. Но Варя была готова терпеть это, готова принять любую боль, лишь бы остаться в этом вихре ощущений, который он создавал вокруг нее.

Вадим полностью, без остатка наполнял ее собой, не оставляя ни малейшего шанса на передышку, на вздох или на мысль о чем-то другом. Его мужское тело, закаленное и сильное, сразу задало бешеный, изматывающий темп. Он выходил из жарких глубин ее тела, чтобы с новой силой врываться обратно, до самого предела, ощущая каждое движение своей плоти. Зубы впились в тонкую ткань ее блузки, оставляя складки и заломы, а ладони, сжимая икры девушки с силой, способной оставить синие следы на коже, надежно удерживали ее, не давая упасть или сместиться. Все, что оставалось Варваре — это хрипеть, стонать и терять связь с реальностью, погружаясь в омут чувств.

Эротичный, влажный звук удара плоти о плоть наполнил кабинет, смешавшись со скрипом старой мебели. Стол жалобно скрипел под весом и движениями альфы, его ножки дрогнули, и казалось, что вот-вот конструкция не выдержит и развалится прямо под Варвару. Но девушке было абсолютно все равно на окружающий мир. Экстаз, безудержный и чувственный, как наводнение, затопил каждую клеточку ее тела, выжигая разум и оставляя только ощущения. Вдруг, резко и мощно, оргазм взорвался внизу живота, рассыпаясь по венам горячей волной, парализуя конечности. Но Вадим не обращал на это никакого внимания. Пока она билась в предсмертных конвульсиях наслаждения на его члене, он продолжал работать, утоляя темный, звериный голод, который требовал не любви, а обладания.

Наконец, накатившее вожделение достигло пика, до боли сдавив его яички, и он принял решение. С рыком, похожим на звериный вой, он принялся выплескивать в нее свое семя, не прекращая при этом фрикции, продолжая давить и толкать даже после разрядки. Член пульсировал ритмично и сильно, и Вадим с замиранием сердца ждал момента, когда его семязержащая жидкость разбухнет внутри нее, закрепляя его генетический код в ее теле, готовя почву для оплодотворения новой жизни. Он ждал ощущения связи, магической нити, которая должна была возникнуть при успехе. Но этого так и не произошло. Физическое желание, накатившее волной, ушло без привычной привязки, без того особого тепла и единства душ. Тишина, наступившая после бури, стала еще одним, безмолвным доказательством того, что Варя, какой бы прекрасной она ни была, не была его парой.

С влажным, тягучим звуком Вадим покинул тело Варвары, оставляя после себя лишь тяжелое эхо их страсти. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул вниз, фиксируя кар-

тину: между нежными складками половых губ медленно, почти лениво, проступала густая белесая жидкость — неопровержимое доказательство того, что произошло за последние минуты. Он медленно провел ладонью по своим растрепанным волосам, пытаясь собрать мысли в кучу, пока его мозг, тренированный годами выживания и охоты, начал активно анализировать произошедшее. Ответ не заставил себя ждать и пришел с пугающей быстротой: он был на поверхности, физически и метафизически, полностью контролируя ситуацию, несмотря на кажущуюся спонтанность момента.

– Вауууу, – дико, протяжно простонала Варвара, даже не пытаясь пошевелиться. Ей было слишком тяжело, слишком приятно, слишком хорошо.

Девушка продолжала лежать на холодном металлическом столе, вольготно раскинувшись во весь рост, словно кукла, с которой только что закончили играть. В ее теле не осталось ни одной мышечной клетки, ни одного нейрона, способного совершить хоть какое-то осмысленное движение. Вадим буквально вытянул из нее все силы, опустошил до дна, но парадоксальным образом именно это полное истощение, осознание собственной абсолютной желанности и власти над ней приносило Варваре чистое, ничем не омраченное удовлетворение. Она чувствовала себя разбитой, но счастливой.

– Ты сегодня невероятно дикий, – прошептала она, с трудом поднимая голову и проводя кончиком языка по пересохшим, отекшим губам, чтобы смочить их.

Вадим же, словно только что коснувшись раскаленного металла, быстро отстранился, его движения стали резкими и механическими. Он принялся поправлять одежду, застегивая пуговицы с такой скоростью, будто боялся, что еще секунда — и снова поддастся инстинктам.

– Мерзкое настроение, – коротко бросил оборотень, не глядя на нее. Его лицо оставалось непроницаемой маской. – Поцапался с одним альфой. Чертов ублюдок вставляет мне палки в колеса, мешает вести дела.

Ложь сорвалась с его губ легко, без запинки, как отточенный клинок. Он не ощутил ни единого укола совести, ни капли вины. В его расе, в жестком мире кланов и территорий, понятие морали и честности было чуждым, почти смешным. Выживание и превосходство — вот единственные ценности, которые имели вес.

– Николай Громов? – уточнила девушка, поднимая на него полуприкрытые веки. Она не подозревала о той кровавой сцене, что разыгралась на самом деле, считая конфликт бытовым или политическим.

– Да, – подтвердил Вадим, наконец-то завершая сборы.

– Неудивительно. Твой заклятый враг. Все время говорят о вашей ненависти.

Вадим усмехнулся, эта улыбка не достигла его глаз, сделав их еще более ледяными.

– Этот ублюдок жаждет отхватить часть моей территории, но пасть у него еще не доросла, – с ухмылкой, полной скрытой угрозы, проговорил Вадим. – Он пока только кусается, но не может убить.

Оборотни всегда ценили достойного конкурента. Слабых они уничтожали мгновенно, но сильный противник заставлял кровь кипеть в жилах, давал смысл охоте и борьбе.

– Угу, – согласилась Варя. Ей нравилось быть инструментом, помогающим ему выпускать пар. Это было чем-то невероятным, таинственным и опасным. Она на мгновение прикрыла глаза, погружаясь в блаженство, все еще наслаждаясь последним эхом пережитого экстаза, который отдавался в каждом нервном окончании.

Но вдруг Вадим замер. Его ноздри дрогнули, улавливая новый, чужеродный аромат. Напряжение вернулось в его плечи, а взгляд снова стал хищным.

– Но ты снова ослушалась меня и надела чужую вещь, – упрекнул мужчина, и в его голосе зазвучала сталь. – Меня раздражает этот запах на тебе. Я все время пытался принюхаться к твоей коже, к твоему естественному аромату, но от нее несет бензином, дешевым парфюмом и... дорогой, холодностью. Чужой женщиной.

7

Варя медленно, словно боясь потревожить хрупкий покой, приподняла голову. Ее взгляд встретился с глазами мужа, но вместо ожидаемой нежности или ласки она наткнулась на ледяной, суровый и исполненный нескрываемого недовольства взгляд. В этот миг по спине пробежал хо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.